

САЛЛИ ТОРН

В дебютном романе Салли Торн делает почти невозможное — она освежает знакомый сюжет и придает ему оригинальности. И выходит просто очаровательно!

Kirkus Reviews

РОМАН

Салли Торн
Мой любимый враг

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Торн С.

Мой любимый враг / С. Торн — «Азбука-Аттикус», 2016

ISBN 978-5-389-14554-2

Что делать, если целый день проводишь в роскошном офисе с человеком, которого от души ненавидишь, и если у тебя даже пароль на компьютере «Умри, Джош, умри»? Люси мила, очаровательна и доброжелательна; она гордится тем, что ее любят все сотрудники издательства. Джош красив, умен, но держится так холодно, что его все боятся. Вынужденные проводить долгие рабочие часы в общем кабинете, Люси и Джош тихо ненавидят друг друга, постоянно устраивают словесные перепалки и стараются во всем превзойти своего соперника. Но когда совершенно невинная поездка в лифте заканчивается страстным поцелуем, Люси начинает по-другому смотреть на своего врага. Она и на работу стала одеваться как на свидание. Может, Джош не испытывает к ней ненависти? Может, и она не так уж ненавидит Джоша? А может, это еще одна игра? Веселая и романтическая история о том, что от ненависти до любви всего один шаг. Впервые на русском языке!

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-14554-2

© Торн С., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Салли Торн

Мой любимый враг

Sally Thorne
THE HATING GAME

© Е. Бутенко, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

С любовью, в память об Айви Стоун

Благодарности

Эта книга – моя мечта, ставшая явью. У меня была мощная группа поддержки, состоявшая из друзей, которые укрепляли мою решимость воплотить мечту в жизнь: Кейт Уорнок, Джеммы Раддик, Лиз Кеннели и Кэти Саарикко. Каждая сыграла свою роль, подталкивала и вдохновляла меня. Все вы особенные.

Благодарю Кристину Хоббс и Лорена Биллингса за поддержку моих писательских усилий и за то, что познакомили меня с моим любимым агентом Тейлором Хаггерти из «Waxman Leavell Literary Agency». Тейлор, спасибо тебе за то, что помог реализовать эту мечту.

Выражаю признательность дружелюбным и многоопытным сотрудникам издательства «Harper Collins», особенно моему редактору Аманде Бержерон, – они дали мне почувствовать себя членом своей семьи.

Говоря о семье, хочу передать слова любви моим родителям, Сью и Дэвиду, моему брату Питеру и мужу Роланду. Рол, спасибо, что верил в меня. Хотя моя мопсика Делия не умеет читать, она оказывала мне немалую поддержку, и я буду любить ее до скончания дней.

Кэрри, кто и где бы ты ни была: одно слово *nemesis* было настоящим подарком. Ты дала подсказку, от которой заискрилась вся книга. Я очень благодарна тебе за это.

Глава 1

У меня есть теория. Ненависть к кому бы то ни было вызывает беспокойство сродни любви. Не раз выпадала мне возможность сравнить эти два чувства, и таковы мои наблюдения.

Любовь и ненависть ощущаешь нутром. Живот скручивает при мысли о том, кому они адресованы. Сердце в груди бьется тяжело и гулко, это почти видно сквозь плоть и одежду. Appetit становится неважным, а сон прерывистым. Каждый контакт с объектом чувства напитывает кровь адреналином до опасного уровня, и вы все время готовы сорваться или вспахать. Тело едва поддается контролю. Вы поглощены чувствами, и это пугает.

Любовь и ненависть – зеркальные отражения одной и той же игры, одержать победу в которой должны именно вы. Почему? Виной тому ваши сердце и эго. Поверьте, кто, как не я, знает об этом.

Ранний вечер пятницы. Мне не оторваться от рабочего стола еще несколько часов. Хотелось бы, чтобы мое заключение было одиночным, но, к несчастью, у меня есть сокамерник. Часы на его руке тикают, и каждый их звук как очередная зарубка на стене темницы.

Мы увлечены детской игрой в молчанку. Как все, что мы делаем, это ужасно инфантильно.

Первое, что вам нужно знать обо мне: меня зовут Люси Хаттон. Я личный помощник Хелен Паскаль, содиректора «Бексли и Гамин».

Когда-то наше маленькое издательство «Гамин» стояло на грани разорения. Экономические реалии были таковы, что люди не имели средств на погашение ипотечных кредитов и литература слыла роскошью. Книжные магазины угасали по всему городу, как задуваемые свечи. Мы готовились к неизбежному закрытию.

В последнюю минуту была заключена сделка с другим борющимся за жизнь издательским домом. «Гамин» вступил в брак по расчету с рушащейся империей зла, известной как «Бексли букс» и управляемой самим невыносимым мистером Бексли.

Каждая компания упрямо верила в то, что спасает другую, обе упаковали вещи и переехали в общий семейный дом. Ни одна из сторон даже близко не была этому рада. Сотрудники «Бексли» с подернутой сепией ностальгией вспоминали свой старый настольный футбол, украшавший столовую. Они не могли поверить в то, что витающие в облаках гаминовцы со своей вялой приверженностью к ключевым показателям эффективности и мечтательной убежденностью в том, что Литература – это Искусство, дожили до настоящего момента. Бексливцы полагали, что цифры важнее слов. Книги – единицы измерения. Продавайте экземпляры. Удалось? Дай пять. Повторить.

Гаминовцы содрогались от ужаса, видя, как их неистовые сводные братья буквально выдирают страницы из томов Бронте и Остин. Как удалось Бексли собрать воедино столько во всем согласных друг с другом, набитых плотью рубашек, более подходящих для бухгалтерии или адвокатской конторы? Относиться к книгам как к счетным единицам гаминовцы отказывались. Книги были и всегда будут чем-то немного волшебным и заслуживающим уважения.

Прошел год, но все равно можно было с первого взгляда определить, кто из какой компании. Бексливцы – рубленый шрифт, гаминовцы – мягкий курсив, каракули. Бексливцы передвигаются акульими стаями, говорят цифрами и постоянно оккупируют зал заседаний для зловещих планерок, больше похожих на тайный сговор. Гаминовцы теснятся в своих закутках – нежные голуби на башне с часами, – сосредоточенно изучают рукописи, выискивая литературные сенсации. Их окружает аромат жасминового чая и свежей бумаги. Шекспир для них – обольстительный красавец с плаката.

Переезд в новое здание был травматичен, особенно для гаминовцев. Возьмите карту города. Проведите прямую линию между двумя прежними офисами обеих компаний,

поставьте красную точку в самой середине – и вы у цели. Новое пристанище «Бексли и Гамин» – серая цементная жаба, усевшаяся на главной транспортной магистрали города, куда во второй половине дня выйти невозможно. По утрам улица в тени, на ней арктический холод, а к вечеру – потогонный зной. У здания есть одна положительная черта, многое искупающая: подземная парковка, обычно забитая до отказа ранними пташками, или лучше сказать – бексливцами.

Хелен Паскаль и мистер Бексли накануне переезда вместе осматривали здание, и случилась редкая вещь: они в чем-то сошлись. Верхний этаж здания никуда не годится. Всего один директорский кабинет? Необходимо тотальное обновление.

После часового мозгового штурма, напитанного такой враждебностью, что глаза дизайнера по интерьерам искрились от непролитых слез, единственное слово, с которым согласились Хелен и мистер Бексли в описании новой эстетики, было «сияющий». Это стало их последним совместным решением, во веки веков. И теперь десятый этаж превращен в куб из стекла, хрома и черной плитки. Можно выщипывать брови, используя в качестве зеркала любую поверхность – стены, пол, потолок. Даже наши столы сделаны из огромных стеклянных пластов.

Я фокусируюсь на отражении напротив себя, поднимаю руку и разглядываю ногти. Отражение повторяет мое движение. Провожу рукой по волосам, поправляю воротник. Я была в трансе, почти забыла, что играю в эту игру с Джошуа.

Поскольку каждый боевой генерал, съехавший с катушек на почве всевластия, должен иметь под рукой зама для выполнения грязной работы, я сижу здесь в компании сокамерника. Пользоваться услугами одного помощника – такая возможность даже не рассматривалась, это потребовало бы добровольной уступки от одного из директоров. Мы вдвоем были подключены к сети за дверями двух новых директорских кабинетов и оставлены бороться за себя самостоятельно.

Меня как будто вытолкнули на арену Колизея, только я обнаружила, что нахожусь там не одна.

Снова поднимаю правую руку. Отражение мягко следует за мной. Кладу подбородок на ладонь и делаю глубокий вдох. Мой вдох резонирует, подхваченный эхом. Вскидываю левую бровь, потому что знаю: «отражение» этого не может. Как и я предполагала, лоб моего сокамерника бессмысленно морщится. Я выиграла. Оживление не отражается на моем лице. Остаюсь бесстрашной, как кукла, ничего не выражая мимикой. Мы сидим, подперев подбородок ладонью, и смотрим в глаза друг другу.

Здесь я никогда не остаюсь одна. Напротив меня – личный помощник мистера Бексли. Его прихвостень и слуга. Вторая и наиболее существенная вещь, которую необходимо знать обо мне: я ненавижу Джошуа Темплмана.

В настоящий момент он копирует каждое мое движение. Это игра «Зеркало». Случайный наблюдатель не сразу заметит. Джошуа ведь почти бесплотный, как тень. Но я-то все вижу. Каждое мое движение воспроизводится на его половине кабинета с легким запозданием. Я поднимаю подбородок с ладони, придвигаюсь к столу, и Джошуа бесшумно делает то же самое. Мне двадцать девять, и кажется, я провалилась сквозь щель между небесами и адом в чистилище. Учебная комната в детском саду. Психбольница.

Ввожу пароль: IHATEJOSHUA4EV@. Все мои предыдущие защитные коды были вариациями на тему, как я ненавижу Джошуа. Навеки. У него пароль наверняка IHateLucinda4Eva. Зазвонил мой телефон. Джули Эткинс из отдела авторских прав, еще одна заноза у меня в боку. Хочется выдернуть аппарат из розетки и выбросить в печь крематория.

– Привет, как ты? – Я всегда добавляю чуточку теплоты в голос, когда говорю по телефону.

Джошуа на другой стороне комнаты выпучивает глаза и начинает казнить свою клавиатуру.

– У меня к тебе просьба, Люси. – (Могу практически дословно произнести ее следующую фразу.) – Мне нужна отсрочка по месячному отчету. Кажется, у меня начинается *мигрэнь*. Не могу больше смотреть на этот экран.

Джули из тех ужасных людей, которые говорят *ми-грэнь*.

– Конечно, я понимаю. Когда ты сможешь его закончить?

– Ты супер. Он будет готов после обеда в понедельник. Я немного задержусь и приду позже.

Если я отвечу «хорошо», мне придется остаться здесь в понедельник до позднего вечера, чтобы к девяти утра вторника, когда состоится совещание, отчет точно был у меня. Неделя еще не началась, а уже тошно.

– Ладно. – Я вся внутренне напрягаюсь. – Только поскорее, пожалуйста.

– О, кстати, и Брайан тоже не может сдать свою часть сегодня. Ты такая милая. Я очень ценю твое доброе отношение. Мы все говорим, что ты самый лучший человек в дирекции, с тобой легко иметь дело. Некоторые люди здесь просто кошмар.

Сладкие речи немного снимают напряжение.

– Без проблем. Поговорим в понедельник. – Я вешаю трубку. На Джошуа можно не смотреть. Я знаю, он качает головой.

Через несколько минут бросаю-таки на него взгляд, он пялится на меня. Представьте, что осталось две минуты до самого важного в вашей жизни собеседования, вы опускаете глаза на свою белую рубашку. Павлинье-голубые чернила из авторучки вытекли и запачкали карман. Голова взрывается от ругательств, мышцы живота сводит судорогой, нервы на пределе. Идиот, вы все испортили! Именно это отражается в глазах Джошуа, когда он смотрит на меня.

Мне бы хотелось назвать его мерзким. Пусть бы он был коротышкой, толстым троллем с волчьей пастью и водянистыми глазами. Хромым горбуном. В бородавках и прыщах. С зубами цвета желтого сыра и луковым запахом пота. Но он не такой. А совершенно другой. Скорее, доказательство несправедливости всех этих эпитетов.

Компьютер пикает – пришло письмо. Резко отвожу взгляд от не-безобразия Джошуа и вижу запрос от Хелен – ей нужны цифры прогнозируемого бюджета. Открываю отчет за прошлый месяц и начинаю прикидывать.

Сомневаюсь, что прогноз на этот месяц сильно улучшится. Издательский бизнес продолжает катиться под гору. Уже неоднократно я слышала разносящееся эхом по коридорам слово «реструктуризация», а мне известно, к чему это ведет. Каждый раз, выходя из лифта и наталкиваясь на Джошуа, спрашиваю себя: почему я не ищу другую работу?

Издательское дело очаровало меня после той судьбоносной школьной экскурсии, когда мне было одиннадцать лет. Я уже была страстной поглотительницей книг. Моя жизнь вращалась вокруг еженедельных поездок в городскую библиотеку. Я брала максимально дозволенное количество изданий и могла опознать каждого библиотекаря по звуку шагов, когда они двигались вдоль стеллажей с книгами. До той поездки я была до чертиков уверена, что и сама стану библиотекарем. Даже изобрела собственную каталожную систему для своего собрания книг. Я была таким маленьким книжным червем.

До нашей поездки в издательство я особенно не задумывалась о том, как на самом деле появляются книги. Это стало открытием. Вам могут платить за поиск авторов, чтение книг и в конечном счете за их создание? Новые обложки и девственно-чистые листы без загнутых уголков и карандашных пометок? Мой мозг взорвался. Я полюбила новые книги. Предпочитала брать в библиотеке именно их. Вернувшись домой, я сказала родителям: когда вырасту, буду работать в издательстве.

Здорово, что я воплотила в жизнь детскую мечту. Но если честно, в настоящий момент основная причина, почему я не ищу другую работу, такова: я не могу допустить, чтобы Джошуа меня обставил.

В процессе работы я слышу только пулеметные очереди его ударов по клавиатуре да тихий свист кондиционера. Время от времени Джошуа берет калькулятор и нажимает кнопки. Могу побиться об заклад, мистер Бексли тоже попросил его предоставить прогноз в цифрах. Двое личных помощников выйдут на битву, вооруженные данными, которые могут не совпадать. Идеальное топливо для костра их взаимной ненависти.

– Прошу прощения, Джошуа.

Он не обращает на меня внимания целую минуту. Удары по клавишам учащаются. Бетховен за роялем сейчас устыдился бы своей неловкости.

– В чем дело, Люсинда?

Даже родители не называли меня Люсиндой. Стискиваю челюсти, но потом виновато расслабляю мышцы. Дантист умолял меня следить за собой.

– Ты работаешь над цифрами прогноза на следующий квартал?

Он отнимает обе руки от клавиатуры и таращится на меня:

– Нет. – (Я испускаю полувздых и возвращаю взгляд к своему столу.) – Я закончил это два часа назад.

Он снова начинает печатать. Я смотрю на развернутую перед глазами таблицу и считаю до десяти.

Мы оба работаем быстро и пользуемся репутацией финишеров, ну, знаете, это сотрудники, доводящие до конца неприятные, нудные, слишком сложные дела, от которых все остальные стараются уклониться.

Я предпочитаю садиться и обсуждать с людьми проблемы глаза в глаза. Джошуа общается только по электронной почте. В конце его писем всегда стоит «С ув. Дж.». Поплохеет ему, что ли, если он напишет «С уважением, Джошуа»? Очевидно, на это уйдет слишком много ударов по клавишам. Вероятно, он может сказать навскидку, сколько минут рабочего времени в год таким образом экономится для «Б и Г».

Мы в чем-то схожи, но постоянно на ножах. Я стараюсь как могу поддерживать корпоративный дух, но все мои качества не подходят для «Б и Г». Я гаминка до мозга костей. Помада у меня слишком красная, волосы ведут себя чересчур вольно. Каблуки стучат по плиткам пола громче положенного. Я не способна достать кредитку, чтобы купить черный костюм. В «Гамине» мне никогда не приходилось носить такую одежду, и я упрямо отказываюсь ассимилироваться с «Бексли». Мой гардероб – вязаное ретро. Этакая стильная библиотечка, я надеюсь.

На выполнение задания уходит сорок пять минут. Я подгоняю себя, хотя счет не моя сильная сторона, потому что тешусь мыслью: Джошуа на это потратил бы час. Даже в мыслях я соревнуюсь с ним.

– Спасибо, Люси! – слышу я слабый голос Хелен сквозь сверкающую дверь кабинета после отправки ей документа.

Снова заглядываю во входящие. Все по графику. Смотрю на часы. Три пятнадцать. Проверяю помаду, глядя на свое отражение в гладкой плитке на стене рядом с компьютерным монитором. И кошусь на Джошуа. Теперь мы играем в гляделки.

Следует упомянуть, что конечная цель всех наших игр – заставить противника улыбнуться или заплакать. Что-то в этом роде. Я знаю, когда побеждаю.

При первой встрече с Джошуа я совершила ошибку – улыбнулась ему. Самой лучшей, солнечной улыбкой во весь рот, глаза мои светились глупым оптимизмом, я еще надеялась, что слияние бизнесов не окажется худшим из случившегося со мной за всю жизнь. Его глаза просканировали меня от макушки до подошвы туфель. Ростом я всего пять футов, так что на это не ушло много времени. Потом я отвела глаза и посмотрела в окно. Джошуа не улыбнулся в ответ, и у меня до сих пор ощущение, что с тех пор он так и носит мою улыбку у себя в нагрудном кармане. Очко в его пользу. После неудачной завязки отношений нам потребова-

лось всего несколько недель, чтобы перейти к открытой вражде. И постепенно чаша ненависти начала переполняться, как ванна от капающей в нее воды.

Я зеваю в кулак и разглядываю нагрудный карман Джошуа, расположенный слева. Каждый день этот парень надевает одинаковые деловые рубашки, только разного цвета: белую, в бело-серую полоску, кремовую, бледно-желтую, горчичную, светло-голубую, синюю, как яйцо малиновки, голубино-серую, темно-синюю и черную. Чередуются они в неизменной последовательности.

Между прочим, моя самая любимая из его рубашек – цвета яйца малиновки, а самая нелюбимая – горчичная, она на нем сейчас. Все рубашки смотрятся на Джошуа отлично. Все цвета идут ему. Если я надену что-нибудь горчичное, то буду похожа на мертвеца. А он сидит тут, загорелый и цветущий, как обычно.

– Сегодня горчица, – произношу я вслух. Зачем я тычу палкой в осиное гнездо? – Не могу дождаться светло-голубой в понедельник.

Взгляд, каким он меня одаривает, одновременно снисходителен и искрит раздражением.

– Ты так много замечаешь во мне, Печенька. Но смею напомнить, комментарии относительно внешнего вида противоречат кадровой политике «Б и Г».

Ах, началась игра в «Отдел кадров». Давненько мы за нее не брались.

– Перестань называть меня Печенькой, или я пожалуюсь менеджеру по персоналу.

Мы оба ведем журнал наблюдений друг за другом. Насчет Джошуа я могу только предполагать, но, похоже, он помнит все мои проступки. Мой журнал – это защищенный паролем документ, спрятанный на моем личном диске, и там перечислены все стычки с Джошуа Темплманом. За этот год мы оба по четыре раза жаловались кадровикам.

Джошуа получил устное и письменное предупреждение по поводу использования прозвища, которым наделил меня. Я тоже удостоилась двух: за словесное оскорбление и детский розыгрыш, который вышел за грань приличий. Я не горжусь этим.

Кажется, Джошуа не может сформулировать ответ, и мы пялимся друг на друга.

Жду с нетерпением, когда рубашки Джошуа станут более темными. Сегодня – темно-синяя, а за ней последует черная. Роскошная черная, как день зарплаты.

Мое финансовое положение примерно такое же. Придется идти пешком двадцать пять минут от «Б и Г», чтобы забрать машину у Джерри, механика, и вычерпать остаток на кредитке почти до максимума. Зарплата завтра, и я должна пополнить баланс карты. Все выходные из моей тачки будет сочиться черная жижа, и это я замечу к тому моменту, когда рубашки Джошуа станут белыми, как бока единорога. Звоню Джерри. Возвращаю машину в мастерскую и сажусь на бюджетную диету. Рубашки становятся темнее. Мне нужно что-то делать с машиной.

Джошуа прислонился к косяку двери мистера Бексли. Его фигура заполняет почти весь дверной проем. Мне это видно, потому что я подглядываю через отражение в стене рядом с моим монитором. Слышу тихий хриплый смех, совсем не похожий на ослиный рев мистера Бексли. Тру ладонями предплечья, чтобы пригладить тонкие волоски на руках. Голову поворачивать не стану. Он меня поймает. Как обычно. Тогда я словлю его хмурый взгляд.

Часы медленно перемалывают время, скоро пять, сквозь пыльное окно я вижу грозовые тучи. Хелен уехала час назад. Одна из ее привилегий как содиректора – работать не дольше, чем положено школьникам, и делегировать свои обязанности мне. Мистер Бексли проводит здесь больше времени, у него очень удобное кресло. Когда в офис заглядывает вечернее солнце, он имеет склонность подремать.

Не подумайте, что мы с Джошуа управляем верхним этажом, но, честно говоря, впечатление иногда складывается именно такое. Бухгалтерия и отдел продаж отчитываются непосредственно перед Джошуа, а он фильтрует огромное количество сведений, составляет отчеты в несколько байт и кормит ими с ложечки беспокойного краснолицего мистера Бексли.

Мне подчиняются редакционный отдел, общий и маркетинговый. Каждый месяц я свожу их отчеты в один для Хелен... и, наверное, тоже кормлю ее с ложечки в какой-то мере. Я скрепляю листы спиралью, чтобы она могла читать отчет во время занятий на тренажере, шагая по беговой дорожке. Использую ее любимый шрифт. Каждый день в издательстве я чувствую одновременно и вызов, и счастье, и отчаяние. Но стоит мне подумать обо всех тех мелких маневрах, которые я совершила начиная с одиннадцати лет, чтобы оказаться здесь, и я меняю точку зрения. Я ничего не забыла. И могу выносить Джошуа чуточку дольше.

На встречу с руководителями отделов я приношу кексы домашней выпечки, и все сотрудники меня обожают. Обо мне говорят, «она стоит своего веса в золоте». Джошуа притаскивает на собрания со своими подразделениями плохие новости, и его вес измеряют в других субстанциях.

Мимо моего стола проходит мистер Бексли с кожаным портфелем в руке. Вероятно, он покупает вещи в «Хампти-Дампти» – мужская одежда всех размеров. Где еще можно найти такие широченные костюмы на маленький рост? Мистер Бексли лыс, покрыт пигментными пятнами и богат как смертный грех. «Бексли букс» основал его дед. Внук любит напоминать Хелен, что она всего лишь наемный работник. По нашим с Хелен личным наблюдениям, он старый дегенерат. Я над ним посмеиваюсь. Его имя Ричард. Толстый Коротышка Дик.

– Хорошего вечера, мистер Бексли.

– Хорошего вечера, Люси. – Он останавливается у моего стола, чтобы сверху заглянуть в вырез моей красной шелковой блузки. – Надеюсь, Джошуа передал вам экземпляр «Из темноты стекла», который я взял для вас? Самый первый.

У Толстого Коротышки Дика есть огромная полка, забитая экземплярами всех изданий «Б и Г». Каждая книга – первая из сошедших с печатного станка. Традиция заведена его дедом. Он любит похвалиться этим собранием перед гостями, но однажды я присмотрелась к этой полке: корешок ни одной книги даже не надломлен.

– Вы забрали его, а? – Мистер Бексли по круговой орбите перевел взгляд на Джошуа. – Вы мне не сообщили, доктор Джош.

Толстый Коротышка Дик называет так своего помощника, вероятно, потому, что тот настоящий клиницист. Я слышала, как говорили, что, когда дела в «Бексли букс» пошли совсем плохо, Джошуа умудрился хирургическими методами избавиться от трети персонала. Не знаю, как ему спится по ночам.

– Пока он есть у вас, это не имеет значения, – ровным голосом отвечает Джошуа, и его босс вспоминает, что он Босс.

– Да-да, – пыхтит он и снова заглядывается на мою блузку. – Хорошо работаете, вы оба.

Мистер Бексли заходит в лифт, и я опускаю взгляд на свою грудь. Все пуговицы застегнуты. Что он мог там разглядывать? Смотрю в зеркальные плитки на потолке и слабо различаю узкий треугольник затененной ложбинки.

– Если застегнешься еще выше, мы не увидим твоего лица, – говорит Джошуа экрану компьютера, завершая работу.

– Может, посоветуешь своему боссу иногда смотреть на мое лицо? – Я тоже выхожу из системы.

– Вероятно, он пытается увидеть твою монтажную плату. Или интересуется, на каком топливе ты работаешь.

Я накидываю на плечи пальто:

– Мое топливо – ненависть к тебе.

Рот Джошуа кривится, я почти достала его. Слежу, как он накатывает на лицо безразличное выражение.

– Если тебя это беспокоит, поговори с ним сама. Поборись за себя. Что, вечером полируешь ногти, отчаянно одинокая?

И как он догадался?

– Да. А вы, доктор Джош, мастурбируете и плачете в подушку?

Он смотрит на верхнюю пуговицу моей блузки:

– Да. И не зови меня так.

Я проглатываю комок смеха. Мы перекидываемся ехидными замечаниями, входя в лифт. Он бьется за «Бексли», а я отвечаю от «Гамин».

– Ловишь попутку?

– Машина в мастерской, – отвечаю я, надевая балетки, а туфли на шпильке засовывая в сумку.

Теперь я стала еще меньше ростом. В тусклой полированной поверхности дверей лифта вижу отражение: я едва дохожу Джошуа до плеча. Выгляжу как чихуахуа рядом с датским догом.

Двери лифта открываются во внутренний двор здания. Мир за пределами «Б и Г» подернут голубоватой дымкой; промозгло, как в холодильнике, полно насильников и убийц, моросит мелкий дождь. Мимо, как нарочно, пролетает газетный лист.

Джошуа придерживает могучей рукой дверь лифта и высовывается наружу – посмотреть погоду. Потом косится на меня своими темно-синими глазами, лоб его начинает морщиться. В моей голове формируется знакомый пузырь с фразой: «Хотелось бы мне, чтобы он был моим другом». Я протыкаю его невидимой булавкой.

– Я тебя подвезу, – выдавливает из себя Джошуа.

– Еще чего! – бросаю я через плечо и убегаю.

Глава 2

Сегодня среда кремовой рубашки. Джошуа ушел обедать. Незадолго до этого отпустив несколько комментариев по поводу того, что я люблю и делаю. Они оказались настолько точными, что я почти уверена: он рылся в моих вещах. Знание – сила, а у меня его не много.

Прежде всего я провожу тщательный обыск своего стола. И Хелен, и мистер Бексли ненавидят компьютерные календари, так что у нас обоих имеются бумажные ежедневники, будто мы клерки в адвокатском бюро времен Диккенса. В моем – только расписание Хелен. Свой компьютер я блокирую с маниакальной настойчивостью, даже отходя к принтеру. Оставить доступ Джошуа? С тем же успехом я могла бы передать ему ядерные коды.

В «Гамин» мой стол представлял собой форт, составленный из книг. Карандаши я вкладывала в корешки. Распаковывая вещи в новом кабинете, я заметила, в какой стерильной чистоте содержит рабочее место Джошуа, и почувствовала себя совсем ребенком. Календарь «Слово дня» и фигурки смурфиков я унесла домой.

Перед слиянием у меня на работе была лучшая подруга. Мы с Вэл Стоун нередко сидели на протертых кожаных диванах в комнате отдыха и играли в нашу любимую игру: разрисовывали фотографии красивых людей в журналах. Я приделывала усы Наоми Кэмпбелл. Вэл закрашивала черным зуб. Вскоре изображение покрывалось изрядным количеством шрамов и ссадин, появлялись повязка на глазу и дьявольские рога, а белки глаз наливались кровью; наконец картинка абсолютно теряла вид, нам становилось скучно, и мы брались за следующую.

Вэл стала одной из тех, кого сократили. Она злилась, что я не предупредила ее. Но разве мне позволили бы сделать это, даже если бы я знала. Она мне не верила. Я медленно разворачиваюсь, мое отражение крутится на двадцати различных поверхностях. Вижу себя всех размеров – от музыкальной шкатулки до киноэкрана. Подол вишневого цвета юбки взлетает вверх, и я совершаю новый пируэт, пошло оно все к черту, пытаюсь избавиться от тошнотворного чувства, которое возникает всякий раз при мысли о Вэл.

Как бы то ни было, аудит подтверждает: на моем столе имеются красная, черная и синяя ручки. Пачка розовых бумажек с липучкой. Тюбик губной помады. Коробка с салфетками – подправлять помаду на губах и вытирать слезы ярости. Ежедневник. Ничего больше.

Шаркая ногами, я совершаю легкую пробежку по мраморному суперхайвею. Теперь я в стане Джошуа. Сажусь на его место и смотрю на все его глазами. Кресло у него такое высокое, что мои ноги не достают до пола. Ерзаю задом, чтобы углубиться в кожаное сиденье. Ощущение совершенно непристойное. Одним глазом кошусь на лифт, а другим изучаю его стол в поисках ключей к разгадке.

Стол Джошуа – мужская версия моего. Голубые стикеры. Помимо трех ручек, у него есть остро заточенный карандаш. Вместо помады – жестянка с мятными драже. Беру одну и кладу в маленький, доселе не использованный кармашек юбки. Представляю, как подыскиваю в аптеке среди слабительных средств подходящего вида пилюлю, и тихо ржу. Трясу ящик стола. Заперт. Компьютер тоже заблокирован. Форт-Нокс. Хорошая игра, Темплман. Предпринимаю несколько безуспешных попыток подобрать пароль. Может быть, он не ненавидит меня навечно.

На его столе нет фотографии жены или любимой в рамочке. Ни ухмыляющейся, счастливой собаки, ни снимка на тропическом пляже. Сомневаюсь, что он вообще ценит кого-нибудь настолько, чтобы вставить в рамку. Во время одной из вдохновенных речей Джошуа о продажах Толстый Коротышка Дик саркастически прогремел: «Похоже, вы кого угодно завалите в постель, доктор Джош!»

Джошуа ответил: «Вы правы, босс. Воздержание еще никому не пошло на пользу». Он произнес это, глядя на меня. Я помню, когда это было. У меня записано в дневнике для кадровика.

Что-то слегка щекочет мне нос. Одеколон Джошуа? Феромоны, которые источают его поры? Гадость. Открываю его ежедневник и кое-что замечаю: записанный карандашом набор цифр в нижней строке каждого дня. Чувствуя себя Джеймсом Бондом, я беру свой телефон и делаю снимок.

Слышу, как задвигались тросы лифта, и вскакиваю на ноги. Метнувшись к краю стола, успеваю захлопнуть ежедневник прежде, чем раздвигаются двери и появляется он. Краем глаза вижу: его кресло еще завершает вращательное движение. Попалась.

– Что ты делаешь?

Телефон надежно заткнут под резинку трусов. На заметку: не забыть продезинфицировать его.

– Ничего. – В голосе легкая дрожь, немедленно меня изобличающая. – Пыталась посмотреть, будет ли вечером дождь. Я задела твое кресло. Извини.

Он надвигается на меня, как Дракула. С грозным образом контрастирует пакет из магазина спортивных товаров, который цепляется за ногу Джошуа и громко хлопает. В пакете, судя по форме, обувная коробка.

Представляю себе измученного продавца, которому пришлось помогать Джошуа с выбором ботинок. «Мне нужна обувь, в которой я точно смогу догнать жертв, за убийство которых на досуге мне платят. Я не хочу зря потратить деньги. У меня одиннадцатый размер».

Джошуа смотрит на свой стол, на экран заблокированного компьютера с окошком безопасного входа в систему, на свой закрытый ежедневник. Я медленно и с шумом выдыхаю, контролируя этот процесс. Джошуа роняет пакет на пол. Подходит так близко, что носки его кожаных ботинок почти касаются миниатюрных лакированных туфель на каблуке.

– А теперь почему бы тебе не признаться, что ты делала у моего стола?

Еще никогда я не играла с ним в гляделки с такого близкого расстояния. Я коротышка пяти футов ростом. Это мой крест на всю жизнь. Низкорослость – вечная тема для насмешек надо мной. Джошуа вымахал по крайней мере до шести футов и четырех дюймов. Пяти. Шести. Может, больше. Человеческий гигант. И собран из прочных материалов.

Храбро отвечаю на его взгляд. Я могу находиться в любом месте этого кабинета. Да пошел он! Как напуганное животное, которое пытается выглядеть более крупным, я упираю руки в бедра.

Джошуа не противный с виду, я уже упоминала, но мне всегда трудно подобрать слова для описания его внешности. Помню, однажды – это было довольно давно – я обедала, сидя на диване, а по телику показывали забавные новости. Старую книгу комиксов о Супермене продали на аукционе за рекордную цену. Рука в белой перчатке переворачивала страницы, и старомодные изображения Кларка Кента напомнили мне Джошуа.

Как и у Кларка Кента, стать и сила Джошуа спрятаны под одеждой, смоделированной специально для того, чтобы сделать его незаметным и помочь смешаться с толпой. Никто в «Дейли плэнет»¹ ничего не знает о Кларке. Под наглухо застегнутыми рубашками Джошуа может не иметь особых примет или быть покрытым шрамами, как Супермен. Это загадка.

У него нет кучерявого вихра на лбу или очков в черной оправе, как у всезнайки, зато – мужественная линия подбородка и маленькие, угрюмо поджатые губы. Я все время считала, что волосы у Джошуа черные, но сейчас, когда он стоит так близко, вижу, что они темно-каш-

¹ «Дейли плэнет» – вымышленная газета и телерадиокомпания из серии комиксов о Супермене. – *Здесь и далее примеч. перев.*

тановые. Он не зачесывает их так гладко, как Кларк. Но определенно имеет чернильно-синие глаза, обладает лазерным взглядом и, вероятно, наделен еще какой-нибудь суперсилой.

Но Кларк Кент такой милый, такой неловкий и нежный. Джошуа едва ли похож на репортера с вкрадчивыми манерами. Он саркастичен и циничен, этакий эксцентричный Кларк Кент, который терроризирует весь отдел новостей и доводит бедняжку Лоис Лейн до того, что она по ночам рыдает в подушку.

Мне не нравятся крупные парни. Они слишком похожи на жеребцов. Могут вас растоптать, если окажетесь у них под ногами. Джошуа изучает меня прищуренным взглядом, как и я его. Интересно, как выглядит макушка моей головы? Уверена, он блудит только с амазонками. Наши взгляды скрещиваются, – может быть, сравнение его глаз с чернильными пятнами было немного резковатым. Зря ему достались такие.

Чтобы избежать летального исхода, я неохотно втягиваю ноздрями кедрово-сосновый аромат. Мой противник пахнет как свежезаточенный карандаш. Рождественская елка в прохладной темной комнате. Хотя связки в горле начинает сводить судорогой, я не позволяю себе опустить взгляд. Но все же приходится таращиться на его рот, а я на него уже насмотрелась в те моменты, когда противник через весь кабинет бросал оскорбления. Неужели после этого мне захочется вглядываться в него пристальнее? Не захочется.

Звук открывающихся дверей лифта – как ответ на мои молитвы.

Входит Энди, курьер.

Он похож на киношного статиста, о котором в титрах пишут: «Курьер». Задубевший, лет сорока пять, одет во флуоресцирующий желтый. Солнцезащитные очки сидят у него на голове, как тиара. По традиции большинства курьеров Энди разнообразит свой рабочий день, флиртуя с каждой встречной женщиной в возрасте моложе шестидесяти.

– Милашка Люси! – провозглашает он так громко, что я слышу, как Толстый Коротышка Дик фыркает и, вздрогнув, просыпается в своем кабинете.

– Энди! – Я возвращаю ему приветствие и потихоньку пячусь назад. Я готова от души обнять его за то, что он пришел и прервал какую-то новую, непонятную игру. В руке у Энди – маленькая бандероль, не крупнее кубика Рубика. Наверное, это моя смурфетка 1984 года, играющая в бейсбол. Очень редкая, в отличном состоянии. Я давно мечтала о ней и отслеживала ее путь ко мне по номеру заказа.

– Знаю, ты хотела, чтобы я позвонил из холла, когда принесу твоего смурфа, но никто не отвечал.

Звонки на рабочий номер переведены на мой мобильник, который временно прижат к тазовой кости резинкой трусов. Так вот что за жужжание щекотало бок. Тьфу! Я-то думала...

Мне нужно прочистить мозги.

– О чем это он? Какие смурфы? – Джошуа смотрит на нас с прищуром, будто подозревает, что мы не в себе.

– Уверена, у тебя уйма дел, Энди! Не стану тебя задерживать. – Я выхватываю из руки курьера посылку, но уже поздно.

– Это ее страсть. Она живет и дышит смурфами. Это маленькие голубые человечки, вот такой величины. В белых шапочках. – Энди показывает двумя пальцами расстояние в дюйм.

– Я знаю, кто такие смурфы. – Джошуа раздражен.

– Я не живу и не дышу ими. – Мой голос выдает ложь.

Внезапный кашель Джошуа звучит подозрительно похоже на смешок.

– Смурфы, значит? Так вот что это за маленькие коробочки. Я думал, ты покупаешь себе какую-то миниатюрную одежду онлайн. Люсинда, ты считаешь, это нормально, когда личные вещи тебе доставляют на рабочее место?

– У нее их целая комната. У нее есть... Как его, Люси? Смурф Томас Эдисон? Это очень редкий экземпляр, Джош. Родители подарили ей на окончание школы. – Энди продолжает беспечно унижать меня.

– Ну хватит, Энди! Как у тебя дела? Что нового? – Влажной от пота рукой я расписываюсь за посылку в его портативном регистраторе. Ну и трепло этот Энди.

– Родители подарили тебе смурфа в честь окончания школы? – Джошуа откидывается назад в кресле и смотрит на меня с циничным интересом.

– Да-да, а ты наверняка получил машину или что-нибудь такое. – Я убита.

– У меня все хорошо, дорогуша, – говорит мне Энди, забирая свою маленькую штуковину, нажимает на ней несколько кнопок и убирает в карман. Теперь деловая часть нашего общения завершилась, и его губы расплываются в обольстительной ухмылке. – Как приятно видеть тебя! Говорю тебе, Джош, дружище, если бы я сидел напротив этого прелестного маленького создания, то вообще не смог бы работать.

Энди зацепляет карманы брюк большими пальцами и улыбается мне. Не хочу задевать его чувства, а потому добродушно округляю глаза.

– Это нелегко, – саркастически замечает Джошуа. – Радуйся, что ты тут не задерживаешься.

– У него, наверное, каменное сердце.

– Это точно. Если мне удастся выпинать его отсюда и упаковать в ящик, ты доставишь его в какое-нибудь удаленное местечко? – Я облакачиваюсь на стол и смотрю на свою крошечную бандерольку.

– Международные отправления подорожали, – предупреждает Энди.

Джошуа качает головой, ему наскучил этот разговор, и он начинает вводить пароль.

– У меня есть кое-какие сбережения. Думаю, Джошуа понравится небольшое приключение в Зимбабве.

– Ты что-то не в духе, да? – В кармане у Энди пикает. Роясь в нем, курьер двигается к лифту. – Что ж, милашка Люси, как всегда, был рад встрече. Скоро увидимся. Наверняка до следующего онлайн-аукциона ждать недолго.

– Пока. – Когда Энди скрывается в лифте, я возвращаю взгляд к своему столу, выражение лица мгновенно становится непроницаемым.

– Как трогательно.

Издаю звуковой сигнал из шоу «Джеопарди!»:

– Бдз-з-з-з. Кто такой Джошуа Темплман?

– Люсинда флиртует с курьерами. Жалкое зрелище.

Джошуа барабанит по клавиатуре. Он действительно делает это с впечатляющей скоростью. Прохожу мимо его стола. Я вознаграждена разъяренным стуком ударов по клавише «бэкспейс».

– Я мила с ним.

– Ты? Мила?

Это замечание задевает меня. Странно.

– Я прелесть. Спроси кого угодно.

– Ладно. Джош, она прелесть? – громко спрашивает он сам себя. – Хмм, дай-ка подумать... – Он берет баночку с мятными драже, открывает крышку, проверяет содержимое и смотрит на меня, а я открываю рот и приподнимаю язык, как пациент в психбольнице у окошка для выдачи лекарств. – Полагаю, в ней есть несколько прелестных черт.

Я поднимаю вверх палец и твердо провозглашаю:

– Отдел кадров.

Джошуа садится прямее, но уголок его рта подрагивает. Хотелось бы мне большими пальцами растянуть его губы в широкую безумную улыбку. Когда полиция оттащит меня от него и скует наручниками, я прокричу: «Улыбайся! Черт тебя подери!»

Мы должны сравняться, потому что это нечестно. Он завладел одной из моих улыбок и видел, как я дарю их бесчисленному количеству людей. Я же никогда не видела его улыбки и никакого другого выражения на лице, кроме безразличного, скучающего, угрюмого, подозрительного, настороженного, возмущенного. Порой на его физиономии появляется еще кое-что, но это когда мы ругаемся, – мрачная маска серийного убийцы.

Прохожу по центральной линии, выложенной плитками, и чувствую, как голова Джошуа поворачивается.

– Не то чтобы меня интересовало твое мнение, но меня здесь любят. Все в восторге от моего книжного клуба, который, по твоему мнению, а ты ясно дал это понять, никуда не годится, но он поможет сплотить команду, это именно то, что нужно, учитывая, где мы работаем.

– Да ты просто у руля индустрии.

– Я собираю пожертвования на библиотеки. Планирую рождественские вечера. Разрешаю стажерам всюду ходить за мной по пятам. – Я ставлю галочки, загибая пальцы.

– Все это не слишком убеждает меня в том, что тебя не волнует мое мнение. – Джошуа еще дальше откидывается назад в кресле, его длинные пальцы свободно сплетены на от природы плоском животе. Пуговица рядом с большим пальцем полурасстегнута. Не знаю, что выражает мое лицо, но Джошуа опускает взгляд и приводит ее в порядок.

– Твое мнение меня не волнует, но мне хочется, чтобы нормальные люди относились ко мне с симпатией.

– Ты хронически помешана на том, чтобы заставить людей обожать тебя. – От того, как он говорит это, мне становится тошно.

– Что ж, прошу меня извинить за то, что я стараюсь составить себе хорошую репутацию. Что стремлюсь быть позитивной. Ты же помешан на том, чтобы вызвать у окружающих ненависть к себе, ну мы и пара.

Я сажусь и изо всех сил щелкаю мышью раз десять подряд. Слова Джошуа жалят. Он будто зеркало, в котором отражаются мои недостатки. Словно я снова оказываюсь в школе. Жалкая карлица Люси использует свою сомнительную миловидность, чтобы ее не раздавили большие дети. Я всегда была домашним зверьком, очаровашкой, той, кого качали на качелях и катали в коляске, носили на руках и баловали. Наверное, я и правда немного жалкая.

– Тебе надо иногда относиться ко всему без напряжения. Говорю тебе, это дает свободу. – Губы Джошуа сжимаются, и странная тень наползает на лицо. Мгновение ока, и она исчезает.

– Я не просила твоих советов, Джошуа. Я и так злюсь на себя за то, что все время опускаюсь до твоего уровня, куда ты меня постоянно тащишь.

– И к какому же это уровню в твоём воображении я тебя тащу? – Голос у него слегка бархатный, он закусывает губу. – К горизонтальному?

Мысленно ставлю абзац в своём журнале для кадровика и начинаю новую строку.

– Ты отвратителен. Иди к черту! – Самое время выйти и поорать где-нибудь в глухом месте.

– Сама иди. Ты так легко посылаешь меня к черту. Неплохое начало. Вполне в твоём духе. А попробуй-ка то же самое с другими людьми. Ты сама не понимаешь, что тебя используют. Как ты можешь рассчитывать на серьёзное отношение к себе? Перестань давать одним и тем же людям отсрочки, месяц за месяцем.

– Не понимаю, о чём ты.

– Джули.

– Это не каждый месяц. – Ненавижу его, потому что он прав.

– Каждый месяц, и тебе приходится отсиживать задницу и корпеть тут допоздна, чтобы самой успеть к сроку. Ты видела, чтобы я так делал? Нет. Эти болваны с нижнего этажа сдают мне все вовремя.

Выкапываю в памяти фразу из тренинга по уверенности в себе, эта книга лежит на моей прикроватной тумбочке.

– Не хочу продолжать этот разговор.

– Я даю тебе хороший совет, воспользуйся им. Перестань забирать из химчистки вещи Хелен, это не твоя работа.

– Все, прекращаю этот разговор. – Я встаю. Может быть, пойти поразвлечься в вечерних пробках, чтобы выпустить пар?

– И курьера оставь в покое. Этот печальный пожилой тип думает, что ты с ним флиртуешь.

– То же самое говорят о тебе, – вылетает у меня изо рта неудачная ремарка, и я пытаюсь отмотать время назад. Ничего не выходит.

– Думаешь, то, чем мы с тобой занимаемся, – флирт?

Джошуа снова лихо откидывается назад в своем кресле. У меня так никогда не получается. Спинка моего сиденья не сдвигается с места, когда я пытаюсь нажать на нее. Я лишь с успехом откатываюсь назад и врезаюсь в стену.

– Печенька, если бы мы флиртовали, ты бы об этом знала.

Наши взгляды сцепляются, и я чувствую, как внутри у меня все опускается. Этот разговор явно завел нас не туда.

– Потому что это меня травмирует?

– Потому что ты будешь долго думать об этом, лежа в постели.

– А ты представляешь себе мою постель, да? – с трудом выдавливаю я из себя.

Он моргает, новое, редкое для него выражение появляется на лице. Мне хочется стереть его пощечиной. Кажется, будто он знает что-то такое, что мне неизвестно. Мужское самодовольство. Ненавижу это.

– Могу поспорить, это очень маленькая постель.

Я почти изрыгаю пламя. Хочется обогнуть его стол, толчком раздвинуть ему ноги и встать между ними. Я бы поставила колено на маленький треугольник под его пахом, чуть-чуть приподнялась и заставила этого наглеца хрипеть от боли.

Я бы ослабила ему галстук, расстегнула ворот рубашки. Обхватила бы руками крепкое загорелое горло и сдавила бы его, сдавила, кожа под моими пальцами теплая, тело трепыхается и бьется о мое, воздух между нами пропитан запахами кедров и сосны, он опалает мне ноздри, как дым.

– Что ты воображаешь? У тебя такое гадкое выражение на лице.

– Как я душу тебя. Голыми руками. – Мне едва удастся выговорить эти слова. Голос более хриплый, чем у оператора из секса по телефону после двойной смены.

– Так вот на чем ты повернута! – Глаза Джошуа темнеют.

– Только в отношении тебя.

Брови Джошуа взлетают вверх, он открывает рот, а глаза его становятся совершенно черными, но, кажется, он не в состоянии произнести ни слова.

Это восхитительно!

О сделанном снимке страницы из ежедневника Джошуа я вспоминаю в день светло-голубой рубашки. Прочитав прогнозный отчет об издательской деятельности за квартал и составив краткое резюме со списком предлагаемых действий для Хелен, перекидываю фотографию с телефона на рабочий компьютер. Потом оглядываюсь, как преступница.

Джошуа все утро провел в кабинете Толстого Коротышки Дика, и время тянулось медленно. Тут так тихо, когда некого ненавидеть.

Нажимаю кнопку «Печать», блокирую компьютер и стучу каблуками по коридору. Делаю две копии, повышая интенсивность цвета, пока карандашные пометки не становятся виднее. Ни к чему упоминать о том, что лишние свидетельства я уничтожаю. С удовольствием пропустила бы их через уничтожитель бумаг дважды.

Теперь Джошуа запирает свой ежедневник в ящик стола.

Прислоняюсь к стене и подставляю страницу к свету. На фотографии запечатлелись понедельник и вторник пару недель назад. Легко считываю встречи мистера Бексли. А вот рядом с понедельником поставлена буква «П». А вторник помечен «Ю». Тут есть серия тонких линий, всего восемь. Точки рядом с обеденным временем. Ряд из четырех иксов и шесть маленьких косых черт.

Все послеобеденное время я тайно пытаюсь разгадать эту загадку. Возникает искушение пойти в отдел охраны и попросить у Скотта записи с камер наблюдения за этот период, но Хелен может узнать. Это определенно будет расценено как напрасная трата ресурсов компании, сверх моего противоправного ксерокопирования и общих простоев в работе.

Отгадка приходит не сразу. Время идет к вечеру, Джошуа сидит на своем обычном месте напротив меня. Голубая рубашка светится, как айсберг. Когда до меня вдруг доходит, как расшифровать карандашные пометки, я хлопаю себя по лбу. Не могу поверить. Какая же я тупо-думка!

– Спасибо. Весь вечер умирал от желания сделать это, – говорит Джошуа, не отрывая взгляда от монитора.

Он не знает, что я заглядывала в его ежедневник и видела карандашные коды. Надо просто заметить, когда он пользуется карандашом, и сопоставить данные.

Начнем игру в шпионов.

Глава 3

Не слишком удачной получается шпионская игра. К моменту, когда Джошуа надевает голубино-серую рубашку, у меня уже не остается никаких соображений. Он почувствовал мой пристальный интерес к его занятиям и стал еще более скрытным и подозрительным. Нужно как-то разговорить его. Иначе я никогда больше не увижу его карандаш пришедшим в движение. А пока Джошуа только и делает, что сидит, слегка нахмутив брови, и пялится в экран компьютера.

Я начинаю игру под названием «Ты просто такой...». Происходит это так.

– Ты просто такой... Ах, да что там. – Я вздыхаю.

Он заглатывает наживку:

– Прекрасный. Умный. Нет, погоди. Самый лучший. Ты, кажется, начинаешь мыслить разумно, Люсинда.

Джошуа закрывает сеанс в компьютере и берется за ежедневник, одна его рука зависает над стаканчиком с письменными принадлежностями. Я задерживаю дыхание. Джош хмурится и захлопывает ежедневник. В серой рубашке он должен выглядеть как киборг, но нет, ничего подобного – он красив и интеллигентен. Хуже его никого нет.

– Ты просто такой предсказуемый. – Почему-то я знаю, что его это глубоко заденет.

Глаза Джошуа сужаются в щелки ненависти.

– О, неужели? Как же так?

Игра «Ты просто такой...» дает обоим свободу высказываться, как они ненавидят друг друга.

– Рубашки. Настроения. Шаблоны действий. Таким, как ты, успеха не видать. Если бы ты хоть раз повел себя необычно и удивил меня, я бы умерла от шока.

– Я должен воспринимать это как личный вызов? – Джошуа смотрит на свой стол, очевидно в глубоком раздумье.

– Хотела бы я посмотреть, как ты пытаешься измениться. Просто ты такой негибкий.

– А ты гибкая?

– Очень. – В самую точку, это действительно так. Я могла бы дотянуть ногу до лица прямо сейчас. Делаю передышку, изгибая бровь и с усмешкой устремляя взгляд на потолок. К моменту, когда я снова встречаюсь взглядом с противником, мои губы уже превратились в бесстрастный розовый бутон, отраженный сотней блестящих поверхностей.

Джошуа опускает глаза, и я скрещиваю лодыжки, запоздало вспоминая, что недавно скинула туфли. Трудно изображать из себя персонификацию судьбы, когда наружу торчат ярко-красные ногти пальцев ног.

– Если я совершу нечто мне несвойственное, ты умрешь от шока?

Вижу отражение своего лица в стенной панели рядом с его плечом. Я похожа на черноглазую, с дико растрепанной шевелюрой версию самой себя. Темные волосы рваными прядями рассыпались по плечам.

– Может, это будет стоить того.

С понедельника по пятницу он превращает меня в страшилище. Я напоминаю цыганку, крикливым голосом предвещающую неминуемую смерть. Буйнопомешанную в психушке, готовую выцарапать себе глаза.

– Ну что же, Люсинда Хаттон. Маленькая гибкая девчонка. – Джошуа снова откидывается назад в кресле. Обе ступни прочно уперты в пол, носки ботинок нацелены на меня, как револьверы во время перестрелки где-нибудь на Диком Западе.

– Кадровики, – предостерегающе обрываю я его.

Я терплю поражение в игре, и он это понимает. Упоминание отдела кадров равнозначно признанию того, что я выдохлась. Джошуа берет карандаш и давит острым кончиком в подушечку большого пальца. Если человек способен усмехаться, не меняясь в лице, то он только что сделал это.

– Я имел в виду, что ты гибко подходишь к жизни. Это, должно быть, твое здоровое воспитание, а, Печенька? Чем там занимаются твои родители? Не напомнишь мне?

– Ты сам прекрасно знаешь. – Я слишком занята, чтобы реагировать на эту ерунду. Беру стопку исписанных бумажек с заметками и начинаю разбирать их.

– У них ферма... – Джошуа смотрит в потолок, притворяясь, что шевелит мозгами. – У них ферма...

Незаконченная фраза повисает в воздухе на целую вечность. Это попытка. Я стараюсь не заполнять тишину, но слово, которое сильно забавляет Джошуа, проклятием вылетает у меня изо рта.

– Клубничная. – Отсюда и мое прозвище Клубничная Печенька. Я уступаю желанию поскрежетать зубами. Мой стоматолог об этом не знает.

– «Скай даймонд строуберис»². Мило. Слушай, я сделал закладку на одном блоге. – Он дважды кликает мышью и разворачивает экран компьютера ко мне.

Я кривлюсь так сильно, что внутри растягиваются какие-то связки. Как он это нашел? Моя мать, наверное, прямо сейчас кричит отцу: «Найджел, дорогой! Наш блог набирает популярность!»

«Ежедневник „Скай даймонд“». Да, вы не ослышались. Ежедневник. Давненько я туда не заглядывала. Времени не хватает. Когда мама встретила отца, она работала журналистом в местной газете, но ушла с работы, чтобы растить меня, и тогда родители завели ферму. Если знать историю мамы, ежедневные записи в блоге оставляют довольно грустное впечатление. Я щурюсь на монитор Джошуа. Сегодняшняя заметка посвящена поливу.

Продукция с нашей фермы поступает на три местных рынка фермерских товаров и в сеть овощных магазинов. Ферма открыта для туристов, которые могут сами набрать себе чего хотят, и еще мама продает банки консервов. В жаркую погоду она готовит домашнее мороженое. Два года назад «Скай даймонд» получила сертификат, что вся ее продукция – натуральная, и для родителей это стало большим событием. В бизнесе бывают приливы и отливы в зависимости от погоды.

Приезжая домой, я до сих пор в свою очередь занимаю место у въездных ворот и объясняю посетителям разницу во вкусе между клубникой сортов «Эрлиглоу» и «Диамонт», «Камино реал» и «Эвер». Все они звучат как названия крутых старых тачек. Мало кто обращает внимание на мой бейдж с именем и сопоставляет его с названием фермы. Фанаты «Битлз», которые делают это, остаются очень довольны собой.

Могу поспорить, вы догадываетесь, что я ем, когда скучаю по дому.

– Нет! Ты не посмеешь! Как ты вообще...

– И знаешь, тут где-то были милейшие семейные фотографии... А-а, вот они. – Джошуа снова кликает мышью, ему почти не нужно смотреть на экран. Глаза его загораются дьявольским весельем, он наблюдает за мной. – Как мило! Это твои родители, да? А что это за восхитительная малышка с черными волосами? Это твоя маленькая кузина? Нет... Это довольно старый снимок. – Джошуа разворачивает картинку на весь экран.

Я становлюсь краснее чертовой клубники. Разумеется, это я. Такого снимка, кажется, я и сама ни разу не видела. Мутная линия деревьев на заднем плане миготом дает ориентир. Мне исполнилось восемь, когда родители посадили рядами эти деревца с западной стороны участка. Бизнес тогда шел в гору, отсюда и гордые улыбки на лицах отца и матери. Я не стыжусь своих

² Название можно перевести как «Небо в клубничных алмазах».

родителей, но их занятие неизменно забавляет тех, кто вырос в городе. Большинство беловоротничковых ослов, вроде Джошуа, находят это таким причудливым и милым. Они представляют членов моего семейства таким простым людом, деревенщинами, живущими на склоне поросшего виноградом холма. Такие, как Джошуа, убеждены, что клубника производится в магазинах, упакованной в пластиковые коробочки.

На этой фотографии я распласталась у ног родителей, как новорожденный жеребенок. На мне старый, заношенный, короткий комбинезон, а темные курчавые волосы разметались, как каракули по листу. Лямка сшитого из лоскутков рюкзака для походов в библиотеку обхватывает тело. Нет сомнений, он набит изданиями из серии «Нянины посиделки» и старомодными книжками с историями про лошадей. Одну руку я запустила в куст клубники, а другая полна ягод. Я пишу здоровьем от солнца и, вероятно, переизбытка витамина С. Возможно, потому я и выросла такой маленькой. Это приостановило рост.

– Знаешь, она очень похожа на тебя. Может, мне стоит отправить ссылку на общую почту «Б и Г» и попросить всех угадать, кто эта маленькая девочка? – Джошуа заметно содрогается от внутреннего смеха.

– Я убью тебя!

На этом снимке я выгляжу настоящей дикаркой. Глаза у меня светлее неба, я щурюсь от солнца и широко улыбаюсь. Та же улыбка появляется у меня на лице всю жизнь. Начинаю ощущать спазм в горле и жжение в носовых пазухах.

Смотрю на своих родителей. Оба они такие молодые. Спина у отца на этом снимке прямая, но каждый раз, как я приезжаю домой, она все больше сгибается. Бросаю быстрый взгляд на Джошуа. Он, кажется, больше не давится смехом. Глаза начинает пощипывать от слез, я не успеваю остановить их и подумать о том, где нахожусь и кто сидит напротив меня.

Джошуа медленно поворачивает экран компьютера на место, неспешно закрывает браузер. Типичный мужчина – чувствует неловкость при виде женских слез. Я отворачиваюсь, смотрю в потолок, стараясь заставить соленые капли утечь обратно, туда, откуда они выкатились.

– Но разговор был обо мне. Что мне сделать, чтобы быть больше похожим на тебя? – Со стороны могло показаться, что он говорит почти по-доброму.

– Ты можешь попытаться не быть такой ослиной задницей, – шепотом произношу я и в потолочном отражении вижу, как лоб Джошуа начинает морщиться.

О боже! Он озабочен.

В сцену одновременно вмешиваются наши компьютеры: звенит напоминание об общем собрании через пятнадцать минут. Я приглаживаю брови, поправляю помаду, используя стену в качестве зеркала. С трудом скручиваю волосы в низкий узел, для чего стягиваю резинку с запястья. Сминаю в комочек бумажную салфетку и прижимаю ее к уголку каждого глаза.

Невыраженная тоска по дому продолжает kloкотать в груди. Одиночка. Открывая глаза, вижу, что Джошуа стоит и наверняка видит мое отражение. В руке у него карандаш.

– Что?! – рявкаю я на него.

Он выиграл. Заставил меня плакать. Я встаю и беру в руку папку. Он тоже, и мы беспрепятственно переходим к игре «Зеркало». Оба дважды тихо стучим в дверь своего босса.

«Войдите», – одновременно приглашают нас.

Хелен, сдвинув брови, смотрит в экран компьютера. Она больше привыкла печатать на машинке. Раньше, пока мы не переехали сюда, она пользовалась ею, и я любила слушать ритмичные удары клавиш, доносившиеся из ее кабинета. Теперь машинка стоит в одном из шкафов. Хелен боится насмешек Толстого Коротышки Дика.

– Привет. У нас общее собрание через пятнадцать минут, помнишь? Внизу, в главном зале совещаний.

Она тяжело вздыхает и поднимает на меня глаза. Они большие, темные, выразительные, ресницы – рядком, отдельно одна от другой под аккуратными бровями. Не могу заметить на ее лице ни следа макияжа, кроме розовой помады.

Хелен переехала сюда из Франции с родителями, когда ей было пятнадцать, и хотя теперь ей уже немного за пятьдесят, в ее речи сохраняются нотки урчания.

Своей элегантности Хелен не замечает, что делает ее еще более изящной.

Она носит короткую, аккуратную стрижку. Коротко обрезанные ногти всегда покрашены кремово-розовым лаком. Всю одежду она покупает в Париже, прежде чем ехать навещать престарелых родителей в Сент-Этьен. Гладкий шерстяной свитер, надетый на ней сейчас, наверное, стоит дороже, чем три полные продуктовые тележки.

Если вы еще не поняли, она мой идол. Именно из-за нее я перестала густо красить глаза. Я хочу быть ею, когда стану старше.

Любимое слово Хелен – «дорогая».

– Дорогая Люси, – говорит она сейчас, протягивая руку, и я вкладываю в нее папку, – с тобой все в порядке?

– Аллергия. Глаза чешутся.

– Хмм, это нехорошо.

Хелен пробегает глазами повестку дня. К более крупным собраниям мы готовимся серьезнее, но с общими все более-менее ясно, потому что на них большей частью говорят руководители отделов. Директора присутствуют в основном, чтобы продемонстрировать причастность.

– Алану исполнилось пятьдесят?

– Я заказала торт. Мы вынесем его в конце.

– Это хорошо для поддержания духа, – с отсутствующим видом замечает Хелен. Она открывает рот, колеблется. Я слежу за тем, как она пытается подобрать слова. – Бексли и я – мы сделаем объявление на этом собрании. Для тебя оно очень важно. Мы поговорим об этом сразу после.

Живот скручивает. Меня увольняют, это точно.

– Нет, новости хорошие, дорогая.

Общее собрание идет по плану. На таких мероприятиях я не сижу рядом с Хелен, предпочитаю смешаться с другими сотрудниками. Такой у меня способ напомнить им, что я часть команды, однако сдержанность в отношении меня все равно ощущается. Неужели они и впрямь воображают, будто я доношу Хелен, когда у них дело дрянь?

Джошуа восседает сбоку от Толстяка Дика во главе стола. Обоих недолюбливают, и кажется, что они находятся в каком-то невидимом пузыре.

Алан розовеет и явно радуется, когда я приношу торт. Он закостенелый бексливец из недр финансового отдела, это утверждает меня в мысли, что я не зря старалась ради него. Я протянула через изгородь, разделяющую два лагеря, милое предложение о мире, покрытое тонкой корочкой льдистой глазури. Вот как поступаем мы, гаминовцы. В Бексливилле, наверное, дни рождения отмечают, презентуя новые батарейки для калькулятора.

Комната наполнена опоздавшими, которые прислонились к стенам или приткнулись на низких подоконниках. Гул голосов стоит оглушающий в сравнении с мертвенной тишиной десятого этажа.

Джошуа не притронулся к торту, а ему до него – рукой подать. Он не любит перекусы на ходу, он вообще не едок. Я наполняю наш пещеристый кабинет ритмическим хрустом морковки и яблок. Пакетики попкорна и маленькие стаканчики йогурта исчезают в моей бездонной утробе. Каждый день я уничтожаю стайки тартинок со шведского стола, Джошуа же по контрасту со мной поглощает мятные драже. Господи боже мой, он же в два раза крупнее меня! Он не человек.

Присмотревшись к торт, издаю громкий стон. Из всех возможных украшений, которые могли бы использовать в кондитерской... Вы сами догадываетесь.

В совершенстве владеющий искусством читать мысли, Джошуа тянется вперед и берет с торта клубничину. Соскребает с нее глазурь и смотрит на маленький катышек цвета слоновой кости у себя на большом пальце. Что он сделает? Слизнет его? Вытрет палец носовым платком с монограммой? Должно быть, он почувствовал мое заинтересованное внимание, потому что метнул на меня взгляд. Мое лицо вспыхивает, и я отвожу глаза.

Быстро спрашиваю Марджери, как продвигается у ее сына обучение игре на трубе (медленно), а Дена об операции на колене (скоро). Им льстит, что я помню, и они отвечают с улыбками. Полагаю, это правда, что я всегда замечаю, выслушиваю и собираю всякие мелочи. Но не с какой-то скверной целью. А в основном потому, что я одинокий лузер.

Перекидываюсь парой фраз с Кейт по поводу ее внучки (растет) и с Элен – о ремонте на кухне (ночной кошмар). А между тем в голове крутится и крутится: «Можешь сгрызть свое сердце, Джошуа Темплман. Я мила. Я всем нравлюсь. Я часть этой команды. А ты совсем один».

С другой стороны стола, чтобы привлечь мое внимание, мне делает знак Дэнни Флетчер из отдела дизайна обложек.

– Я посмотрел документальный фильм, который ты советовала.

Ворошу память, но ничего не всплывает.

– У-у, хм? Какой?

– Это было пару общих собраний назад. Мы говорили о фильме, который ты посмотрела, – про да Винчи по каналу «История». Я скачал его.

Я много с кем болтаю, исполняя свою роль. И никогда не подозревала, что кто-то к этим разговорам прислушивается. На полях блокнота Дэнни – затейливый рисунок, я пытаюсь краем глаза рассмотреть его.

– Тебе понравилось?

– О да. Он был во многом исключительный человек, правда?

– Не стану спорить. Я-то совсем никчемная – ничего не изобрела.

Дэнни хохочет, открыто и громко. Перевожу взгляд с блокнота на лицо хозяина. Наверное, впервые я посмотрела на него по-настоящему. Отключив кнопку автопилота, я ощущаю под ребрами легкий спазм удивления. Ох! Да он симпатичный.

– Ну бог с ним, ты знаешь, что я скоро ухожу отсюда?

– Нет. Почему? – Маленький пузырек флирта лопается у меня в животе. Игра окончена.

– Мы с одним приятелем разрабатываем новую платформу для самопубликаций. Здесь мне осталось проработать пару недель. Это мое последнее общее собрание.

– Что ж, это утрата. Не для меня. Для «Б и Г». – Пояснение неубедительное, как у влюбленной девочки.

Надо же, не заметить рядом с собой такого милого парня. Он сидел напротив меня. А теперь он уходит. Остается только вздыхать. Самое время приглядеться к Дэнни Флетчеру по-настоящему. Привлекательный, сухощавый, в хорошей форме, с мягкими светлыми кудрями, постриженными очень коротко. Он невысок, это мне подходит. Он из команды Бексли, но не типичный представитель. Манжеты рубашки, хотя она и хрустит, как открытка на день рождения, закатаны. Галстук покрыт тонким рисунком из маленьких ножниц и планшетов с зажимами.

– Симпатичный галстук.

Дэнни смотрит вниз и улыбается:

– Я очень много вырезаю и вставляю.

Смотрю в сторону команды дизайнеров, в основном бексливцев: все они одеты, как распорядители похорон. Мне понятно решение Дэнни уйти из «Б и Г» – это самая унылая команда дизайнеров на планете.

Потом я смотрю на левую руку Дэнни. На пальцах ничего, и он тихонько постукивает ими по столу.

– Ну, если когда-нибудь захочешь поучаствовать в изобретении чего-нибудь новенького, я к твоим услугам. – Он озорно улыбается.

– Ты фрилансишь как изобретатель и к тому же заново изобретаешь самопубликации?

– Именно. – Дэнни явно по душе моя остроумная игра в слова.

Никогда никто не флиртовал со мной на работе. Украдкой гляжу на Джошуа. Он разговаривает с мистером Бексли.

– Будет трудно изобрести что-нибудь такое, до чего еще недодумались японцы.

Дэнни на мгновение задумывается.

– Вроде этих маленьких щеток, которые детям надевают на руки и ноги, когда они ползают?

– Да. А ты видел эти подушки в форме мужского плеча для одиноких женщин?

Подбородок Дэнни угловатый и серебрится от щетины, а губы из тех, что кажутся жесткими, пока человек не заулыбается, что он сейчас и делает, глядя мне прямо в глаза.

– Тебе, конечно, они не нужны, верно? – Он понижает тон, теперь его едва слышно сквозь гомон голосов. Глаза Дэнни искрятся, подзадоривают меня.

– Может быть. – Я делаю горестное лицо.

– Уверен, ты способна найти живого волонтера.

Я пытаюсь вернуть разговор в прежнее русло. К сожалению, выходит так, будто я делаю ему предложение.

– Наверное, будет занятно изобрести что-нибудь вместе.

Хелен собирает свои бумаги и постукивает ими по столу, чтобы собрать в аккуратную стопку. Я неохотно разворачиваюсь на стуле. Джошуа взирает на меня, гневно сдвинув брови. Использую мозговые импульсы, чтобы отразить его удар и направить в обратную сторону. Он его получает и, подобравшись, садится прямо.

– Еще одна вещь, прежде чем мы разойдемся, – говорит мистер Бексли.

Хелен старается не хмурить брови. Она терпеть не может, когда Коротышка Дик ведет себя так, будто он один председательствует на собрании.

– У нас есть объявление по поводу реструктуризации в команде заместителей, – без перерыва подхватывает его речь Хелен, и губы мистера Бексли раздраженно поджимаются, после чего он перебивает Хелен:

– Вводится третья должность заместителя – главный операционный директор. – (Мы с Джошуа одновременно подсакиваем на стульях, как ударенные током.) – Эта должность будет ниже моей и Хелен. Мы хотим формализовать обязанности человека, который отслеживает все процессы, дав возможность заместителям сфокусироваться на стратегических задачах. – Он бросает тонкогубую усмешку в сторону Джошуа, который натянуто кивает ему в ответ. Хелен ловит мой взгляд и многозначительно приподнимает брови. Кто-то пихает меня локтем. – Объявление будет опубликовано завтра, подробности – на портале поиска работы и в Интернете. – Бексли произносит последние слова таким тоном, будто Интернет – это какое-то новомодное изобретение.

– Вакансия открыта для внутренних и внешних соискателей. – Хелен подхватывает стопку своих бумаг и встает.

Толстый Коротышка Дик тоже поднимается, чтобы идти, и выбирает себе еще кусок торта. Хелен следует за ним, покачивая головой. Комната снова взрывается от шума, коробку

с торгом тащат по столу. Джошуа стоит у двери. Я упрямо остаюсь сидеть, и он выскальзывает наружу.

– Похоже, ты получила новую работу, – говорит мне Дэнни.

Я киваю, сглатываю и машу рукой на прощание всей комнате в целом, слишком ошеломленная, чтобы выйти грациозно. В коридоре перехожу на бег, на лестнице перескакиваю через две ступеньки. Вижу закрытую дверь кабинета мистера Бексли и на всех парусах подлетаю к кабинету Хелен, резко торможу, распахиваю дверь и захлопываю, привалившись к ней спиной.

– Кто перед кем отчитывается?

– Ты будешь боссом Джошуа, если твой вопрос об этом.

Меня захлестывает волна чистого восторга. Я – БОСС Джошуа. Ему придется выполнять все мои распоряжения и относиться ко мне с уважением. Возникает угроза обмочить трусы здесь и сейчас.

– Поверх всего этого написано слово «катастрофа», но я хочу, чтобы ты получила эту работу.

– Катастрофа? – Я опускаюсь на стул. – Почему?

– Вы с Джошем не ладите. Как кошка с собакой. А если к этому прибавляется еще и такая динамическая сила... – Она с сомнением прищелкивает языком.

– Но я справлюсь.

– Конечно, дорогая. Я хочу видеть на этой должности тебя.

Новая реструктуризация, но на этот раз я буду иметь возможность влиять на весь процесс. Я смогу сохранять рабочие места, вместо того чтобы ликвидировать их. Ответственности больше, и повышение статуса существенное. Я смогу чаще ездить домой. У меня будет новая машина.

– Ты должна учесть: Бексли хочет, чтобы это место занял Джош. Мы долго бились по этому поводу.

– Если Джошуа станет моим начальником, мне придется уволиться, – мгновенно вылетает у меня изо рта. Такую фразу могли бы произнести в кино.

– Тем больше у нас поводов постараться заполучить эту должность для тебя, дорогая. Если бы это было в моей власти, я бы просто объявила о твоём повышении.

Я прикусываю большой палец.

– Но как добиться, чтобы все шло по-честному? Джошуа и мистер Бексли будут саботировать меня.

– Я думала об этом. Интервью проводит независимая комиссия консультантов по набору персонала. Ты будешь соревноваться на равных условиях. Соискатели не из «Б и Г» тоже появятся. Вероятно, подберется сильная компания. Тебе нужно подготовиться.

– Я подготовлюсь, – говорю я с надеждой.

– Частью собеседования должна быть презентация. Придется тебе поработать над ней. Они захотят услышать твои мысли о будущем устройстве «Б и Г».

Я ерзаю от желания вернуться к рабочему столу. Мне нужно обновить резюме.

– Вы не против, если я буду работать над своей заявкой в обеденный перерыв?

– Дорогая, я не буду возражать, даже если ты посвятишь этому все рабочее время, пока она не будет готова. Люси Хаттон – главный операционный директор «Бексли и Гамин». Звучит неплохо, верно? – (Мое лицо расплывается в улыбке.) – Место твое. Я это чувствую. – Хелен делает жест, будто застегивает на молнию свои губы. – А теперь иди. Готовься.

Я сажусь за стол, снимаю блокировку с компьютера, чтобы открыть свое удручающе застарелое резюме. Появление новых возможностей греет меня изнутри. Все вокруг изменилось. Ну почти все.

После нескольких минут редактирования замечаю стоящую рядом фигуру. Втягиваю носом воздух. Пряный кедр. Мне подмигивает пряжка его ремня. Не прерываю ударов по клавиатуре.

– Работа моя, Печенька, – раздаётся голос Джошуа.

Дико тянет встать и ударить его под дых. Чтобы сдержаться, считаю – один, два, три, четыре...

– Забавно, именно это только что сказала мне Хелен. – Я слежу в отражении на поверхности своего стола, как удаляется от меня спина Джошуа, и клянусь самой себе: Джошуа Темплман проиграет эту игру – самую важную из всех, в какие мы играли.

Глава 4

Сегодня бело-серые полоски, и у меня в ежедневнике на пятнице стоит жирный красный крест. Могу поспорить на сотню баксов, точно такой же – в ежедневнике у Джошуа. Наши заявки на работу готовы.

У меня уже почти съехала крыша от перечитывания своей. Я так поглощена подготовкой презентации, что начала видеть ее во сне. Мне нужен перерыв. Гашу экран и с интересом смотрю на Джошуа, он делает то же самое. Мы работаем в паре, как игроки в шахматы. Складываем на груди руки. Карандаша в руке Джошуа я так и не видела.

– Как дела, Малышка Люси?

Радостный тон и мягкое выражение лица показывают, что мы затеяли очень редкую игру. Она называется «Как дела?» и обычно начинается с впечатления, что мы вовсе не испытываем ненависти друг к другу. Ведем себя как нормальные коллеги, которые не жаждут обагрить руки кровью друг друга. Это тревожно.

– Отлично, спасибо, Большой Джош. Как у тебя дела?

– Супер! Собираюсь выпить кофе. Налить тебе чашку чая? – В руке у него тяжелая черная кружка. Ненавижу ее.

Смотрю вниз. В моей руке уже появилась красная чашка в горошек. Он наплюет в любой напиток, какой бы ни приготовил для меня. Думает, я сумасшедшая?

– Пожалуй, я присоединюсь к тебе.

Мы целенаправленно движемся в сторону кухни, шагаем в ногу – левой, правой, левой, правой, как прокуроры к камере во вступительных титрах сериала «Закон и порядок». Это требует от меня почти удваивать длину шага. Коллеги обрывают разговоры и смотрят на нас испытующими взглядами. Мы с Джошуа поворачиваемся друг к другу и обнажаем зубы в улыбке. Время вести себя цивилизованно. Как заместители.

– Ах-ха-ха! – добродушно смеемся мы какой-то фальшивой шутке. – Ах-ха-ха!

Заворачиваем за угол. Аннабель оглядывается на нас от ксерокса и едва не роняет бумаги:

– Что случилось?

Мы с Джошуа киваем ей и продолжаем шагать, объединенные бесконечной игрой в «Перещеголяй другого». Складки моего короткого полосатого платья хлопают под действием силы тяжести.

– Мамочка и папочка вас очень любят, детки, – тихо произносит Джошуа. Слышу его только я. Со стороны кажется, что он просто вежливо разговаривает. Несколько голов сурикатов выскакивают вверх из-за перегородок отделов. Похоже, мы легендарные личности. – Иногда мы распаляемся и начинаем спорить. Но не переживайте. Даже когда мы ругаемся, вы в этом не виноваты.

– Так бывает у взрослых, – мягко объясняю я настороженным лицам, мимо которых мы проходим. – Иногда папочка спит на диване, но это в порядке вещей. Мы все равно вас любим.

На кухне я вешаю пакетик с чаем на край чашки, а тем временем меня едва не сшибает с ног океанская волна хохота, которую приходится как-то сдерживать. Я хватаюсь за край стойки и беззвучно трясусь.

Джошуа не обращает на меня внимания и ходит туда-сюда, готовя себе кофе. Я поднимаю взгляд и вижу, как его руки открывают шкафчик в миле над моей головой, чувствую тепло, исходящее от его тела, которое находится в нескольких дюймах за моей спиной. Оно как солнечный свет. Я уже и забыла, что люди теплые. Ощущаю запах его кожи. Желание смеяться гаснет.

Никаких близких контактов с людьми я не имела с тех пор, как моя парикмахерша Анджела сделала мне массаж головы недель восемь назад. Теперь я представляю, как присло-

няюсь к нему и расслабляю мышцы. Что он сделает, если я упаду в обморок? Вероятно, позволит мне рухнуть на пол, а потом пнет носком ботинка.

Еще один стоп-кадр всплывает в мозгу. Джошуа подхватывает меня, не дает упасть. Его руки – на моей талии, кончики пальцев вжимаются в мое тело.

– Ты такой смешной, – произношу я, поняв, что какое-то время молчала. – Очень смешной. – Я громко сглатываю.

– Ты тоже. – Он подходит к холодильнику.

Джанет из отдела кадров угрюмым, замученным призраком материализуется в дверном проеме. Вообще-то, она милая, вот только ее уже тошнит от наших дрызг.

– Что происходит? – Она упирает руки в бедра, точнее, в то место, где должны быть бедра.

Ее фигура под звякающим тибетским пончо выглядит треугольной. Наверное, раздобыла этот наряд на своем последнем духовном квесте. Она гаминька, само собой.

– Джанет! Готовим кофе. Не соблазнишься? – Джошуа качает кружкой в ее сторону, она раздраженно отмахивается. Джанет от души ненавидит Джошуа. Под стать мне.

– Мне поступил тревожный звонок. Я здесь в качества арбитра.

– Это ни к чему, Джанет. Все в порядке. – Я тихонько макаю в воду пакетик с чаем, наблюдая за тем, как вода становится кирпично-красной.

Джошуа насыпает в мою чашку полную ложку сахара:

– Не очень сладкий, верно?

Издаю фальшивый смешок, глядя на шкафчик перед собой, а про себя удивляюсь: откуда он знает, какой чай я пью? Откуда ему вообще что-то обо мне известно?

Джанет подозрительно смотрит на нас. Джошуа отвечает ей приветливым взглядом:

– Мы готовим горячие напитки. Что нового в сфере кадров?

– Двух главных в компании серийных жалобщиков не стоит оставлять наедине. – Угол ее пончо наставлен в сторону кухни.

– Да, положение серьезное. Мы сидим одни в кабинете целый день. Я провожу от сорока до пятидесяти часов в неделю с этой милой женщиной. Наедине. – Он говорит вежливо и добродушно, но подтекст его речи – «Да пошла ты!».

– По этому поводу я дала вашим боссам несколько рекомендаций, – мрачно произносит Джанет. В ее подтексте слышится то же самое.

– Что ж, скоро я стану боссом Люсинды, – отвечает Джошуа, и я бросаю на него недовольный взгляд. – Я профессионал и справлюсь с кем угодно.

По тому, как он произносит «с кем угодно», ясно: он намекает, что я слабоумная.

– На самом деле это я скоро буду твоим боссом. – Голос у меня приторно-сладкий.

Маленькие ручки Джанет вылезают из-под пончо. Она трет глаза, размазывая тушь.

– Вы двое занимаете весь мой рабочий день, – говорит она мягко, но в ее словах звучит тихое отчаяние.

Ощущаю укол вины. Я веду себя неподобающим для будущего главного замдиректора образом. Пора исправить это положение.

– Я знаю, в прошлом мои отношения с мистером Темплманом были немного... напряженными. С удовольствием займусь этой проблемой, а также укреплением командного духа в «Б и Г», – говорю я своим самым лучшим, ровным голосом профессионала и замечаю, что лицо Джанет недоверчиво кривится, а Джошуа наставляет на меня два лазерных луча своего взгляда.

Я набросала рекомендации для Хелен, наметив вечерние встречи по командообразованию для администраторов, бухгалтеров, ведущих, главных и дизайнеров. Мы называем это для краткости АБВГД или Алфавитная ветвь. К этому привел меня последний мозговой штурм. Как здорово это прозвучит на собеседовании! Очень здорово.

– Я подпишу это тоже, чтобы показать сопричастность, – произносит Джошуа.

Чертов плагиатор! Запястье у меня дрожит, так и хочется плеснуть ему в лицо горячим чаем.

– Не беспокойся, – говорю я Джанет, пока мы стоим напротив нее. – Все будет хорошо. Ее пончо горестно звякает, и мы удаляемся.

– Когда я буду твоим боссом, то уработаю тебя до полного изнеможения, – произносит Джошуа мерзким голосом.

Теперь я с трудом за ним поспеваю, но держусь. Немного чая выплескивается на ковер.

– Когда я стану твоим боссом, ты будешь выполнять все мои распоряжения с широкой улыбкой на лице. – Я вежливо киваю Марни и Алану, когда мы проходим мимо них.

Огибаем угол, как скаковые лошади.

– Когда я буду твоим боссом, три допущенные тобой ошибки в расчетах послужат поводом для официального предупреждения.

Я бормочу себе под нос, но Джошуа все равно меня слышит.

– Когда я стану твоим боссом, меня обвинят в убийстве.

– Когда я буду твоим боссом, то введу деловой дресс-код. И больше ты не будешь носить свои странные маленькие ретрокостюмы. Я уже отметил варианты в каталоге корпоративной одежды. Серое рабочее платье. – Он делает паузу для усиления эффекта. – Полиэстер. Длинной до колена. А тебе дойдет до лодыжек.

Я до безумия чувствительна к разговорам о моем росте и до чертиков ненавижу синтетические ткани. Открываю рот, и из него вылетает такое миленькое животное рычание. Я бросаюсь вперед и толкаю бедром стеклянную дверь нашего шикарного офиса.

– Это поможет тебе перестать вожделеть меня? – рывкаю я, и Джошуа закатывает глаза к потолку и тяжело вздыхает:

– Ты видишь меня насквозь, Печенька.

– О, я тебя отлично понимаю.

Оба мы дышим немного тяжелее, чем подобает в такой ситуации. Ставим кружки на столы и враждебно взираем друг на друга.

– Я никогда не буду работать на тебя. Не будет никаких платьев из полиэстера. Если ты получишь эту должность, я уволюсь. Тут даже говорить нечего.

Долю секунды Джошуа смотрит на меня с искренним удивлением:

– Ох, неужели?

– Как будто ты не уволишься, если работу получу я.

– Я не уверен. – Он в раздумье вращает глазами.

– Джошуа, тебе придется уйти, если должность получу я.

– Я не бросаю дела на полдороге. – Голос моего противника напряжен до крайности, он кладет руку на бедро.

– Я тоже не бросаю. Но если ты так уверен, что получишь эту работу, почему такая проблема пообещать, что ты уволишься? – Я слежу за тем, как он переваривает эти слова.

Мне хочется видеть Джошуа своим подчиненным, который сидит весь как на иголках, пока я просматриваю отчет о его работе, который, само собой, разорву. Хочу, чтобы он ползал на четвереньках у моих ног и собирал обрывки отчета, бормотал извинения и признавал свою некомпетентность. Пусть поплачет в кабинете у Джанет, браня себя за неадекватность действий. Хочу, чтобы он завязался узлами от нервного напряжения.

– О'кей. Я согласен. Если ты получишь повышение, обещаю уволиться. У тебя снова этот голодный взгляд, – добавляет Джошуа, после чего отворачивается и садится. Открывает ключом ящик стола, достает из него ежедневник, деловито пролистывает страницы. – Снова мысленно душишь меня? – Он делает пометку карандашом, одну прямую палочку, и тут замечает мой взгляд. – Чему ты ухмыляешься?

Думаю, он ставит отметки в ежедневнике, когда мы ругаемся.

– Пожалуй, я лучше пойду спать. – Я разговариваю с родителями и одновременно аккуратно чищу зубной щеткой для младенцев смурфа, купленного за два доллара пару недель назад на eBay.

Фоном идет «Закон и порядок», детективы направились по ложному следу. На лице у меня маска из белой глины, на ногтях пальцев ног сохнет лак.

– Ладно, Смурфетка, – встречаются двухголовым монстром мои родители.

Они еще не разобрались, что не нужно сидеть, прижавшись щека к щеке, чтобы поместиться в экран видеочата. А может, разобрались, просто им так больше нравится.

Папа как-то опасно загорел на солнце, вокруг глаз четко очерчен белый контур солнцезащитных очков. «Эффект панды» наоборот. У него громкий смех, и он любитель поговорить, так что я много раз краем глаза замечаю зияние дырки на месте отколотого при поедании свиных ребрышек зуба. Отец одет в толстовку, которая была у него еще во времена моего детства, и от этого у меня возникает тоска по дому. Забавно.

Мама никогда не смотрит прямо в камеру. Ее отвлекает маленькое окошечко предпросмотра, где она видит свое изображение на экране. Думаю, она рассматривает морщины. Из-за этого во время разговоров у нас нет контакта, и я начинаю скучать по ней еще больше.

Мамина светлая кожа не приспособлена к яркому солнцу. Там, где у отца загар, у нее появляются веснушки. Мы с ней одной расцветки, и я знаю, что случится, если перестану пользоваться солнцезащитным кремом. Каждый квадратный сантиметр маминой кожи на лице и руках покрыт веснушками. Даже на веках они есть. У нее ярко-голубые глаза и черные волосы, которые обычно скручены в узел высоко на голове, и, как правило, люди на нее оглядываются, куда бы она ни заходила. Отец – раб ее красоты. Я это точно знаю, потому что он сам говорил ей об этом минут десять назад.

– Ну, тебе не стоит ни о чем беспокоиться. Ты тут самая решительная личность, я уверен. Ты хотела работать в издательстве и сделала это. И знаешь что? Что бы ни случилось, ты всегда останешься хозяйкой «Скай даймонд строуберис». – Папа весьма многословно разбирал причины, по которым я должна получить повышение.

– Ну пап... – Я смеюсь, чтобы скрыть эмоции, которые продолжаю ощущать с того момента, как расклеилась на глазах у Джошуа после просмотра родительского блога. – Мое первое распоряжение в качестве директора будет такое: вы оба должны рано ложиться спать. Удачи с «Люси-42», мам.

С последними десятью записями в блоге я ознакомилась, пока ела ужин. У мамы очень ясный, фактический стиль письма. Думаю, она дослужилась бы до должности мэра, если бы не ушла с работы. Энни Хаттон – мастер журналистских расследований. Вместо этого она проводит дни за пересадкой гниющих растений, упаковкой товара для отправки в магазины и выведением гибридов клубники в духе Франкенштейна. Для меня тот факт, что она бросила любимую работу ради мужчины, – это трагедия, и не важно, какой замечательный человек мой отец, как не имеет значения и тот факт, что я сейчас сижу здесь в качестве результата этого.

– Надеюсь, они не получатся такими же, как «Люси-41». Я никогда не видела ничего подобного. Снаружи ягоды совершенно нормальные, а внутри абсолютно пустые. Правда, Найджел?

– Они были как воздушные шарики в виде фруктов.

– Собеседование пройдет хорошо, дорогая. Они за пять минут поймут, что ты живешь и дышишь издательским делом. Я до сих пор помню, как ты вернулась после той школьной поездки. Ты как будто влюбилась. – Машины глаза затуманиваются от воспоминаний. – Я знаю, что ты чувствовала. Сама помню момент, когда впервые вступила в редакционную комнату в газете. Запах типографской краски был как наркотик.

– У тебя все еще есть проблемы с Иеремией на работе? – Отец знает настоящее имя Джошуа, но предпочитает его не использовать.

– Джошуа. И – да. Он все равно ненавидит меня. – Беру горсть орешков кешью и начинаю их грызть слегка агрессивно.

Папа льстиво мистифицирует ситуацию:

– Невероятно. Кто на такое способен?

– Действительно, кто? – эхом подхватывает мама и прикасается пальцем к коже под глазом. – Она миниатюрная и милая. Маленьких милых людей все любят.

Папа незамедлительно соглашается с ней, и оба они начинают разговаривать так, будто меня тут вовсе нет.

– Она самая очаровательная девушка в мире. У этого Джулиана точно какой-то комплекс неполноценности. Или он из сексистов. Хочет всех унижать, чтобы чувствовать себя лучше. Комплекс Наполеона. Комплекс Гитлера. Что-то с ним не так. – Папа загибает пальцы, перечисляя проблемы Джошуа.

– Все вместе. Пап, приклей бумажку с липучкой на экран, чтобы она не могла разглядывать себя. Она на меня вообще не смотрит.

– Может, он безнадежно влюблен в нее, – добавляет оптимизма мама и в первый раз направляет взгляд прямо в камеру.

Мое сердце проваливается в пятки. Мельком смотрю на свое лицо – глиняная маска, запечатлевшая выражение изумления и ужаса.

Отец усмехается:

– Странный способ показать это, тебе не кажется? Он сделал это место невыносимым для нее. Говорю тебе, если бы я с ним встретился, ему пришлось бы поунижаться. Слышишь, Люси? Скажи ему, чтобы вел себя как надо, а то твой папочка прилетит и поговорит с ним по душам.

Представить их лицом к лицу – странно.

– Я не стану утруждаться этим, папа.

Последние фразы позволяют маме перейти к интересующей ее теме.

– Кстати, о перелетах, мы можем перевести тебе на счет немного денег, чтобы ты могла забронировать билет и навестить нас. Мы уже давно тебя не видели. Очень давно, Люси.

– Дело не в деньгах. На это нужно время, – пытаюсь объяснить я, но они оба начинают говорить, не слушая меня, получается какая-то невразумительная мешанина из просьб, мольбы и уговоров. – Я приеду, как только смогу выкроить немного времени, но едва ли надолго. Если я получу повышение, то буду очень занята. Если нет... – Я изучаю клавиатуру.

– Тогда? – Папа резок.

– Мне надо будет искать другую работу, – говорю я и закатываю глаза.

– Конечно ты его получишь. Ты никогда не будешь работать на этого осла Джастина.

«Хорошо бы, чтоб она жила дома, – говорит отец матери. – От книг мало проку. А нам нужна дополнительная мозговая сила».

Я вижу, что маму продолжает беспокоить моя ситуация с работой.

Она крайне экономна и прожила на ферме уже достаточно долго, так что в ее воображении город – злодейски дорогой, суетливый мегаполис. Она недалеко от истины. У меня хороший заработок, но после того, как банк списывает со счета плату за жилье, уже не разгуляешься. Мысль о том, чтобы снимать квартиру с кем-нибудь на пару, ужасает меня.

– Как она будет...

Папа шикает на нее и машет рукой, чтобы развеять самую мысль о возможной неудаче, как клуб дыма.

– Все будет хорошо. Это Джонни останется без работы и будет ночевать под мостом, а не она.

– Такого с ней никогда не случится, – встрепелась мама.

– Ты помирилась со своей подругой, с которой вы раньше работали? Валери, кажется?

– Не спрашивай, это ее расстраивает, – журит мать отца.

Он поднимает руки, мол, сдаюсь, и смотрит на потолок.

Верно. Это меня расстраивает, но я не подаю виду и говорю ровным тоном:

– После слияния я приглашала ее на кофе, чтобы объясниться, но она потеряла работу, а я нет. Она не может мне этого простить. Сказала, что настоящая подруга как-нибудь предупредила бы ее.

– Но ты ведь не знала, – начинает папа.

Я киваю. Это правда. Но проблема, которую я с тех пор пытаюсь разрешить, такова: должна ли я была попытаться что-то выведать для нее?

– Круг ее друзей начал превращаться в мой... и вот я здесь. Снова одна.

Печальная одинокая неудачница.

– Там у тебя на работе наверняка есть и другие люди, с которыми можно подружиться, – говорит мама.

– Никто не хочет со мной дружить. Они думают, я расскажу их секреты боссу. Может, сменим тему? На этой неделе я говорила с одним парнем. – И я мигом начинаю сожалеть о сказанном.

– О-о-о! – хором интонируют родители. – У-ух! – Они обмениваются взглядами.

– Он милый?

Это всегда их первый вопрос.

– О да. Очень милый.

– Как его зовут?

– Дэнни. Он из дизайнерского отдела, с работы. Мы с ним никуда не ходили, ничего такого, но...

– Как здорово! – восклицает мама, а папа одновременно с ней произносит:

– Давно пора!

Он зажимает большим пальцем микрофон, и они начинают переговариваться друг с другом, спекуляции выются вокруг них роем.

– Как я уже сказала, мы не ходили на свидание. Не знаю, хочет ли он этого на самом деле. – Я думаю о Дэнни, о косых взглядах, которые он бросал на меня, о его кривых усмешках. Он хочет.

Отец говорит так громко, что микрофон иногда начинает шипеть.

– Ты должна пригласить его. Надоело, наверное, сидеть в кабинете по десять часов и швыряться грязью в Джеймса. Сходи куда-нибудь, развейся. Надень свое красное вечернее платье. Хочу услышать, что ты это сделала, когда мы будем в следующий раз связываться по скайпу.

– Тебе можно ходить на свидания с коллегами? – спрашивает мама, и отец хмурится.

Негативные концепты и сценарии с плохим концом его не интересуют. Тем не менее мама затронула хорошую тему.

– Это не допускается, но он от нас уходит. Собирается фрилансить.

– Милый мальчик, – говорит отцу мама, – у меня доброе предчувствие.

– Мне правда нужно ложиться, – напоминаю я, зеваю, и глиняная маска на лице покрывается трещинами.

– Спи, спи, сладкая, – хором отзываются они.

Я слышу, как мама с горечью говорит: «Почему она не хочет приезжать домой...», и отец нажимает на клавишу «Отбой».

Сказать честно? Оба они обращаются со мной как с заезжей знаменитостью на волне полного и высочайшего успеха. То, как они хвастаются мной перед своими друзьями, выглядит просто нелепо. Когда я приезжаю домой, то чувствую себя мошенницей.

Споласкивая лицо, я пытаюсь заглушить чувство вины плохой дочери, решая, какие вещи возьму с собой, если мне придется жить под мостом. Спальный мешок, нож, зонтик, коврик для йоги. Я могу спать на нем. И заниматься йогой, чтобы сохранять ловкость. Всех своих редких смурфов я могу сложить в ящик для рыболовных снастей.

Копия листа из ежедневника Джошуа лежит на краю кровати.

Пора немного побыть мисс Марпл. Тревожно, что частица Джошуа Темплмана проникла в мою спальню. Мозг театрально шепчет: «Представь!» Гильотинирую эту мысль.

Изучаю листок. Палочки – думаю, это ссоры. Делаю отметку на полях. В тот день их было шесть. Звучит похоже на правду. Маленькие косые линии – не имею понятия, что это. Но иксы? Вспоминаю открытки на День святого Валентина с поцелуйчиками. В нашем кабинете такое не встречается. Это, должно быть, его кляузы кадровикам.

Складываю ноутбук и убираю его, потом чищу зубы и ложусь в постель.

Насмешка Джошуа над моей одеждой – «странные маленькие ретро костюмы» – подвигает меня к тому, чтобы завтра откопать в глубине платяного шкафа маленькое черное платье и надеть его. Это полная противоположность серому рабочему длинной до лодыжек. В маленьком черном моя талия выглядит очень тонкой, а попа – восхитительной. Дюймовочка в образе Джессики Рэббит³. Он думает, что видел маленькую одежду? Он ничего не видел.

Коротышек вроде меня обычно считают скорее милыми, чем сильными, так что я смету все преграды. Ажурные колготки такие мягкие, они щекочут кожу, как мелкий песок. Красные туфли на шпильке вознесут меня на невиданную высоту пяти футов и пяти дюймов.

Завтра не должно быть никаких упоминаний о клубнике. Когда я войду, кофе приснет из носа Джошуа Темплмана. Не знаю, почему мне этого хочется, но это факт.

Что за вздорная мысль! С такой разве уснешь спокойно.

³ Джессика Рэббит – персонаж фильма «Кто подставил кролика Роджера» и секс-символ 1980–1990-х годов.

Глава 5

Уснула с его именем в голове, отсюда, наверное, и мой сон. Середина ночи, я лежу на животе, прижавшись щекой к подушке. Он лежит на мне сверху, прижавшись животом к моей спине, теплый, как солнечный свет. Его горячий шепот раздаётся у меня в ухе, когда он ерзает бедрами, пристраиваясь между моих ягодиц.

Я уработаю тебя. До полного. Изнеможения.

Получаю исчерпывающее представление о его весе и размере. Пытаюсь прижаться к нему еще раз, чтобы снова ощутить это, но он тихо и укоризненно произносит мое имя, а потом забирается выше. Его колени сжимают мои бедра, кончики пальцев гладят округлые выступы грудей. Жар дыхания оседает паром на моей шее. Мне не удается вдохнуть полной грудью. Он слишком тяжел, а я слишком возбуждена. Забытая чувственность пробуждается к жизни. Я скребу ногтями по простыне, пока кончикам пальцев не становится горячо от трения.

Во сне я черте чем занимаюсь с Джошуа Темплманом?! Содрогаюсь от сознания этого и балансирую на грани пробуждения, но глаз не открываю. Нужно узнать, куда заведет меня мой ум. Через несколько минут снова проваливаюсь в сон.

Я сделаю все, что ты захочешь, Люсинда. Но ты должна будешь попросить.

Он говорит ленивым тоном, какой использует, когда смотрит на меня с таким выражением лица, словно подглядывал за мной в дырочку в стене и знает, какая я, во всех подробностях.

Поворачиваю голову и вижу его запястье – манжета деловой рубашки расстегнута, в ней нет запонки. Мне виден дюйм его запястья – волосы, вены и сухожилия. Рука сжимается в кулак, и от одной мысли о торжестве над ним у меня все внутри трепещет.

Лица его я не вижу. Хотя это может все испортить, переворачиваюсь на спину, таща за собой одеяло и простыню. Я спутана его руками и ногами. Понимаю, что возбуждена, и при одном взгляде в его блестящие синие глаза вдруг ощущаю влагу между ног. Издаю театральный вздох ужаса. Он отвечает хрипловатым смешком.

Боюсь, что так. А он, судя по всему, ни о чем не жалеет.

Вес его тела приятно давит на меня сверху. Бедра, руки. Я извиваюсь и лгну к Джошуа из сновидения, чувствую, как он напрягается, закусывает губу, чтобы не застонать, и открываю для себя шокирующую истину.

Ты безумно хочешь меня.

Слова эхом вырываются из моего рта, неотвратимо правдивые. Поцелуй под ухо, в то место, где бьется пульс, подтверждает то, что я уже знаю. Это больше, чем просто влечение, мрачнее, чем плотское желание. Это беспокойное напряжение между нами, которое никак не находило себе выхода до настоящего момента. Кремовые простыни обжигают горячи.

Ты узлами завязываешься из-за меня. Чувствую прикосновения скользких по моему телу рук, они задерживаются на изгибах, пуговицы расстегиваются, швы расползаются. Меня раздевают, исследуют. Зубы кусаются, и меня съедают. Никогда еще и никто меня так не хотел. Я постыдным образом возбудилась, и, хотя лежу на спине, взгляд в его глаза подтверждает – в этой игре победа за мной. Пытаюсь притянуть его вниз, чтобы он меня поцеловал, но мой партнер уклоняется от этого и продолжает меня дразнить.

Ты все время знала, говорит он мне, и от его великолепной улыбки я переливаюсь через край. Просыпаюсь, дрожа. Резко убираю руку от шва влажной пижамы, лицо в темноте полыхает. Не могу решить, как поступить. Довести дело до конца или принять холодный душ? В конце концов я остаюсь лежать.

Над изноженным кровати висит мое черное платье, его силуэт выглядит пугающим. Я смотрю на него, пока мое дыхание не замедляется. Перевожу взгляд на часы с красными цифрами. У меня есть четыре часа, чтобы подавить воспоминание об этом «ночном кошмаре».

Семь тридцать утра, день кремовой рубашки. Отражение в двери лифта подтверждает: мое пальто длиннее маленького платья, так что я выгляжу как высококлассная девушка по вызову, которая направляется в гостиничный пентхаус в одном белье под верхней одеждой.

Сегодня пришлось ехать в офис на автобусе. Мне едва удалось забраться с тротуара на первую ступеньку, не сверкнув нижним бельем, а когда двери у меня за спиной закрылись, я поняла, что надеть это платье было катастрофическим безрассудством. Пока я чапала по тротуару к офису «Б и Г», мое шествие сопровождала серия воодушевленных гудков от проезжавших мимо грузовиков, что только подтвердило сложившееся в автобусе мнение. Если бы «Таргет» сегодня работал, я бы заскочила в него и купила какие-нибудь штаны.

Ничего, справлюсь. Просто буду весь день не вставать со своего места. Двери лифта открываются, и, конечно же, Джошуа уже сидит за столом. Чего он вечно припирается на работу ни свет ни заря? Он вообще ходит домой? Или спит в цинковом ящике в котельной? Полагаю, те же вопросы он может адресовать мне.

Я надеялась, что смогу провести здесь минуту или две в одиночестве, чтобы подготовиться к долгому дню без вставания. Но вот он, уже сидит тут. Прячусь за вешалкой для верхней одежды и притворяюсь, что роюсь в сумочке, – выигрываю время.

Если я сосредоточусь на платье, как на главной проблеме, то смогу проигнорировать вспышки воспоминаний о ночном кошмаре. Джошуа поднимает глаза от ежедневника, карандаш – в руке. Он смотрит на то, как я начинаю развязывать пояс пальто, но продолжать невозможно. Синева его глаз гораздо более живая, чем в моем сне. Он рассматривает меня с таким видом, будто занят чтением моих мыслей.

– Тут не жарко, да?

Джошуа раздраженно выпячивает губы, проводит рукой в воздухе, будто говорит: «Смирись с этим». Защищаясь глубоким вздохом, я снимаю пальто и вешаю его на свои личные плечики с мягкой набивкой. Пока иду к рабочему столу, чувствую, как трутся друг об друга между бедер ромбик сетчатых колготок. Я все равно что в купальном костюме.

Замечаю, как глаза Джошуа опускаются в ежедневник, от темных ресниц на щеки полумесяцами падают тени. Так он выглядит совсем юным, но вот поднимает взгляд, и это взгляд мужчины – тяжелый, испытующий. Лодыжки у меня вихляют.

– Вау-вау! – протягивает он и делает карандашом какую-то пометку. – Грядет жаркое свидание, Печенька?

– Да, – автоматом вру я, и он с циничным видом закладывает карандаш за ухо.

– Расскажи.

Я пытаюсь беззаботно пристроить попу на край своего стола. Стекло обдает холодом заднюю поверхность бедер. Это ужасная ошибка, но я не могу прямо сейчас снова встать вертикально. Буду выглядеть идиоткой. Мы оба палимся на мои ноги.

Опускаю взгляд на свои ярко-красные туфли на высоком каблуке и вижу ноги до самого платья, плитки на полу так хорошо отполированы. Локон волос падает на глаза, и пусть. Если я сфокусируюсь на этом глупом платье, то смогу забыть о том, как мой мозг хочет, чтобы Джошуа облизал меня, покусал меня, раздел меня.

– Ну и?.. – В кои-то веки голос Джошуа звучит нормально. – Что произошло?

Защипываю пальцами слишком сильно растянувшийся ромбик на бедре. Сон наверняка написан у меня на лице. Щеки теплеют. На Джошуа – кремовая рубашка, мягкая и шелковистая, как простыни в моем сновидении. Подсознание играет со мной злую шутку. Пытаюсь

посмотреть в глаза Джошуа, но лишь испуганно отвожу взгляд и небрежной походкой добираюсь до своего кресла. Хотелось бы мне так же небрежно выйти отсюда и отправиться домой.

– Эй! – говорит Джошуа более резко. – Что происходит? Расскажи мне.

– Я видела... сон, – произношу я таким тоном, каким в кино говорят: «Бабушка умерла».

Сажусь в кресло, свожу колени и крепко сжимаю их, пока не хрустнули суставы.

– Опиши свой сон. – Карандаш снова в руке Джошуа, а я чувствую себя терьером, который следит за движениями ножа и вилки в руках хозяина.

Мы начинаем игру в словесный теннис. Проигрывает тот, кто первым не сможет придумать ответ.

– Ты покраснела. До самой шеи.

– Хватит пялиться на меня. – Конечно, он прав.

Этот офис, похожий на зеркальный шар, подтверждает его слова.

– Не могу. Ты у меня прямо перед глазами.

– Ну попробайся.

– Не так часто я вижу столь интересный выбор открывающего бедра костюма для работы.

В руководстве кадровой службы по поводу делового стиля в одежде...

– Ты не можешь оторвать глаз от моих бедер уже достаточно долго, так что действительно пора заглянуть в руководство.

Это правда. Джошуа опускает взгляд, но буквально через секунду красная точка снайперского прицела его глаз возвращается на прежнее место – косточку моей лодыжки и начинает скользить вверх.

– Я его запомнил.

– Тогда ты должен знать, что бедра – это неподходящий предмет для разговора. Если я получу свое полиэстеровое платье-мешок, тогда, полагаю, тебе придется послать им на прощание воздушный поцелуй.

– Жду этого с нетерпением. Я имею в виду повышение. Не твои бедра... Не беспокойся.

– Размечтался, извращенец. – Я ввожу пароль. Срок действия предыдущего истек. Новый будет такой: УМРИ-ДЖОШ-УМРИ! – Это моя работа, не твоя.

– Так с кем же у тебя свидание?

– С парнем.

Я найду кого-нибудь до окончания рабочего дня. Сниму парня, если придется. Позвоню в модельное агентство и закажу эскорт. Он приедет на лимузине и заберет меня от дверей «Б и Г». И Джошуа будет посрамлен.

– Во сколько вы встречаетесь?

– В семь, – иду я на риск.

– А где? – Джошуа медленно делает карандашную пометку.

Икс? Косая черта? Я не могу сказать.

– Ты очень заинтересовался. С чего бы это?

– Исследования показали: если руководитель проявляет интерес к личной жизни своих подчиненных, это повышает их самооценку и вызывает ощущение значимости. Я практикуюсь, прежде чем стану твоим боссом. – Пустая болтовня в деловом тоне противоречит странной напряженности, сквозящей в его глазах. Джошуа на самом деле увлечен этим разговором.

Я бросаю на него самый лучший испепеляющий взгляд.

– Я встречаюсь с ним в спортивном баре на Федерал-авеню. И еще: ты никогда не будешь моим боссом.

– Какое совпадение. Я как раз иду туда же вечером смотреть игру. К семи.

Моя умная выдумка оказалась тактической ошибкой. Смотрю на своего противника изучающим взглядом и не могу решить, где кончается его лицо и начинается ложь.

– Может, мы там встретимся, – продолжает он.

Настоящий дьявол!

– Конечно, может быть. – Я придаю голосу скучающий оттенок: пусть не догадывается, что, произнося эти слова, я одновременно бешусь и паникую.

– А что там со сном?.. В нем был мужчина, да?

– О да, разумеется. – Глаза мои блуждают по лицу Джошуа без моего позволения. Кажется, мне удастся рассмотреть, какой формы у него ключица. – Он был жутко эротичный.

– Нужно послать имейл Джанет, – едва слышно произносит Джош после паузы и хриплого откашливания. Он неуклюже изображает, что печатает, хотя сам даже не смотрит на экран.

– Я сказала «эротичный»? Я имела в виду, эзотеричный. Вечно путаю эти два слова.

Джошуа прищуривает один глаз:

– Твой сон был... загадочным?

Что тут ответишь? Пришел мой черед проверить себя на детекторе лжи.

– Он был полон символов и скрытых значений. Я заблудилась в саду, и там был мужчина. Некто, с кем я провожу много времени, но на этот раз он показался мне незнакомцем.

– Продолжай, – говорит Джошуа.

Как странно разговаривать с ним и не видеть перед собой маску скуки вместо лица.

Я кладу ногу на ногу так элегантно, как только могу, и его глаза ныряют под мой стол, потом возвращаются к лицу.

– Я была замотана в простыню. Больше на мне ничего не было, – произношу я доверительным тоном, потом делаю паузу. – Это ведь строго между нами, да?

Джош обалдело кивает, а я мысленно хлопаю сама себя ладонью в ладонь за победу в «словесном теннисе».

Нужно продлить этот момент, не так часто я получаю превосходство. Подкрашиваю губы, используя стену в качестве зеркала. Цвет называется «Огнемёт», и это мой фирменный стиль. Порочный, агрессивный, ядовитый красный. Как вскрытые вены на запястьях. «Цвет трусов дьявола», по выражению отца. У меня столько тюбиков этой помады, что хотя бы один из них всегда находится в радиусе трех футов. Сейчас я словно героиня черно-белого кино, но благодаря «Огнемету» обретаю цвет. Я живу в тревожном ожидании, что производитель прекратит ее выпуск, отсюда и накопление запасов.

– Так вот, иду я по этому саду, а мужчина держится у меня за спиной. – Сегодня я патологическая лгунья. Вот что сотворил со мной Джошуа Темплман. – Он прямо позади. Прикасается ко мне. Даже прижимается.

Я встаю и звонко хлопаю себя по заду, чтобы внести окончательную ясность. Слова мои звучат так правдиво, потому что по большей части это и есть правда. Джошуа медленно кивает, кадык на его горле вздрагивает от проглоченной слюны, а глаза путешествуют по моему платью.

– Кажется, я узнаю его голос. – Я делаю паузу на тридцать секунд, промокаю губы, поднимаю вверх салфетку, чтобы полюбоваться на маленькое пятнышко в форме сердца, отпечатавшееся на ней. Потом сминаю ее и отправляю в корзину рядом с носками туфель. Начинаю заново наносить помаду.

– Ты всегда делаешь это дважды? – Джошуа начинает раздражать эта неестественная манера рассказывать истории. Он нетерпеливо постукивает пальцами по столу.

Я подмигиваю:

– Не хочу, чтобы она смазалась от поцелуев.

– Кто этот парень, конкретно? Как его зовут?

– Парень. Ты меняешь тему, но это ничего. Прости, что заставила тебя скучать. – Я сажусь и кликаю мышью, компьютер оживает, начинает урчать.

– Нет-нет, – слабо произносит Джошуа, как будто у него перехватило дыхание. – Мне не скучно.

– Ладно. Итак, я в саду, и там... повсюду отражения. Как будто он весь заставлен зеркалами.

Джошуа кивает, локти ползут вперед по столу, подбородок ложится на руки. Он откатывает кресло назад.

– И я... – Я замолкаю и гляжу на него. – Да нет, ничего.

– Что? – рывкает Джош так громко, что я подсакиваю на дюйм на своем сиденье.

– Я спрашиваю: «Кто ты? Почему ты так сильно хочешь меня?» И когда он называет мне свое имя, я так шокирована...

Джошуа висит на крючке моей удочки, глянецовитая рыба, трепыхается, но попалась крепко, не сорвется. Я ощущаю, как воздух в пространстве между нами вибрирует от напряжения.

– Подойди сюда, такое я могу произнести только шепотом, – мурлычу я и смотрю направо и налево, хотя мы оба знаем, что вокруг никого на многие мили.

Джошуа рефлексивно встряхивает головой и смотрит на свои колени. Он не единственный, кто может заглядывать под стол.

– О-о-о, – произношу я, как чересчур догадливая зануда, но, к моему изумлению, на скулах моего визави загораются красные пятна. Джошуа Темплман возбудился в моем присутствии. Почему мне хочется раздражить его еще сильнее?

– Я подойду сама и скажу тебе. – Я блокирую экран компьютера.

– Все в порядке.

– Мне нужно поделиться этим. – Я медленно подхожу и упираюсь ладонями в край его стола. Джошуа смотрит на мои ноги в сетчатых колготках с выражением муки на лице. Мне почти жалко его.

– Это непрофессионально. – Он возводит очи к потолку в поисках вдохновения, а потом завершает: – Кадровики.

– Это наше спасительное кодовое слово? Ладно.

В люминесцентном свете нашего кабинета Джошуа выглядит здоровым, кожа золотистая, безупречно гладкая, и это раздражает. Однако лицо покрылось едва заметной испариной.

– Ты немного вспотел. – Я беру с его стола пачку листков для заметок и медленно ставлю на верхней отпечаток своих целующих губ. Отрываю его и прилепляю посреди экрана компьютера Джоша. – Надеюсь, ты не заболел.

Я ухожу на кухню. Слышу, как у меня за спиной тихонько взвизгивают колесики его кресла.

Развейся немного.

В отсеке Дэнни все сдвинуто со своих мест и выглядит несколько хаотично. Повсюду стоят коробки для вещей, разложены стопки бумаг и папок.

– Привет!

Он вздрагивает и на авторском снимке, который он фотошопит, остается рваная серая линия. Чисто сработано, Люси.

– Прости. Мне нужно было носить на ноге бубенчик.

– Ничего, все о'кей. Привет. – Он нажимает «Отменить», «Сохранить», после чего поворачивается ко мне на стуле. Глаза его пробегают по мне вверх-вниз с быстротой молнии, прежде чем спотыкаются о подол моего платья и задерживаются там на несколько секунд.

– Привет. Я тут подумала, не изобрел ли ты чего-нибудь, с чего мы могли бы начать?

Не могу поверить, что веду себя так прямолинейно, но у меня отчаянная ситуация. На кону стоит моя гордость. Мне нужен человек, который посидит рядом со мной на барном стуле, или Джошуа обсмеет меня по полной.

По лицу Дэнни расплзается улыбка.

– У меня есть незаконченная машина времени, я мог бы показать ее тебе.
– Они не слишком сложно устроены. Я могу тебе помочь.
– Назови время и место.
– Спорт-бар на Федерал-авеню. Сегодня, в семь вечера.
– Звучит отлично. Слушай, я дам тебе свой номер. – Наши пальцы соприкасаются, когда он передает мне карточку с телефоном. Ой, ой. Что за милый мальчик! И где только он пропал все это время?

– Увидимся вечером. Приноси, ну, эти... чертежи.

Я петляю среди отсеков в обратном направлении, поднимаюсь по лестнице на верхний этаж, мысленно присыпая руки тальком, как атлет перед подходом к снаряду.

Пора браться за работу. Плюхаюсь на свое кресло и начинаю составлять предложения, как воплотить в жизнь наше стремление сплотить коллектив. Оставляю внизу место для двух подписей, расписываюсь сама и погружаю листок в поднос для входящих документов на столе Джошуа. У него уходит два часа на то, чтобы добраться до этой бумаги. Когда долгожданный момент наступает, он тратит на чтение не больше четырех секунд, размашистым росчерком ставит подпись и не глядя кидает на свой поднос с исходящими документами. Сегодня мой коллега пребывает в каком-то странном настроении.

Соединив пальцы домиком, я начинаю игру в гляделки. Проходит минуты три, наконец Джошуа вздыхает и блокирует экран. Мы так пристально всматриваемся в глаза друг другу, что будто соединяемся в мрачной трехмерной компьютерной реальности, где нет ничего, кроме зеленых линий сетки и тишины.

– Что? Нервничаешь?

– С чего бы это?

– Из-за твоего важного свидания, Печенька. У тебя уже давненько их не было. Думаю, столько времени, сколько я тебя знаю. – Слова «важное свидание» он закавычивает, сгибая по два пальца на каждой руке. Он уверен, что все это ложь.

– Я очень разборчива.

Джошуа сцепляет пальцы так сильно, что кажется, ему должно быть больно.

– Верно.

– Тут явная нехватка подходящих мужчин.

– А вот это неверно.

– Ты подыскиваешь себе симпатичного холостяка?

– Я – нет... Заткнись!

– Ты прав. – На долю секунды опускаю глаза на его рот. – Я наконец-то нашла кое-кого в этом богом забытом месте. Мужчину моей мечты. – Я многозначительно изгибаю бровь.

Джошуа моментально проводит сопоставление с нашим утренним разговором.

– Значит, твой сон был определенно о человеке, с которым ты работаешь.

– Да. Он скоро уходит из «Б и Г», так что, вероятно, мне тоже нужно будет что-то предпринимать.

– Ты уверена в этом?

– Да. – Не могу припомнить, когда он моргал в последний раз. Глаза у него черные и пугающие. – У тебя снова взгляд серийного убийцы. – Я встаю и забираю у него свою бумагу с предложениями. – Я сделаю тебе копию для Толстого Коротышки Дика. Ты в это дело не суйся, Джошуа. У тебя нет представления о том, как создавать команду. Оставь это эксперту.

Когда я возвращаюсь, вид у Джошуа уже не такой мрачный, но волосы растрепаны. Он берет бумагу, на которой я поставила штамп «Копия», смотрит на нее, и я вижу, в какой именно момент его осеняет идея. Это краткая остановка, какую делает лисица, как бы случайно пробегая мимо незапертых воротец курятника. Он поднимает на меня взгляд, глаза его блестят. Закусывает нижнюю губу, медлит.

– О чем бы ты ни думал, нет.

Джошуа берет ручку и пишет что-то внизу страницы. Я пытаюсь рассмотреть, но он встает и поднимает бумагу высоко вверх, так что верхний угол листа касается потолка. Рисковать становиться на цыпочки в этом платье я не стану.

– Как я мог устоять? – Он обходит свой стол и на ходу проводит большим пальцем по моему подбородку.

– Что ты сделал? – вопрошаю я его спину, а он уже входит в кабинет мистера Бексли.

Я стремительно бросаюсь к Хелен, потирая подбородок.

– Я согласна, – говорит она, откладывая документ в сторону. – Это хорошая идея. Ты видела, как гаминовцы и бексливцы садятся по отдельности на командных встречах? Я от этого устала. Мы ничего не делали как одна команда с того дня, когда планировалось слияние. Меня впечатляет, что вы с Джошуа воссоединились.

Надеюсь, мой извращенный мозг не заархивирует ее последнее замечание с пошловатым подтекстом.

– Мы стараемся сгладить наши разногласия. – В голосе ни намек на обман.

– Я поговорю с Бексли во время нашей битвы титанов в четыре часа. Какие у тебя мысли?

– Я нашла корпоративный центр отдыха в пятнадцати минутах отсюда по шоссе. Это одно из тех мест, где все стены состоят из белых учебных досок.

– Звучит дорого. – Хелен кривится.

Этого я ждала.

– Я проверила сводки. Мы не истратили бюджет, отпущенный в этом году на тренинги.

– И что же мы будем делать в этой комнате корпоративной любви?

– Я уже придумала несколько специальных заданий для сплочения коллектива. Мы будем выполнять их по круговой системе и так, чтобы составы команд все время перемешивались. Я бы хотела в этот день быть медиатором. Мне хочется покончить с этой враждой между бексливцами и гаминовцами.

– Люди терпеть не могут командные игры, – заметила Хелен.

С этим не поспоришь. Это признается за истину всеми: работники корпораций предпочитают съесть скелет крысы, чем примут участие в групповой активности. Я бы точно лучше съела. Утешаться можно только тем, что за последнее время бизнес-модели для сплочения команды сотрудников стали значительно интереснее. Так что иного нам не дано.

– Тот из участников, кто будет больше всех стараться и внесет самый значительный вклад в успех своей команды, получит приз. – Для пушного эффекта я делаю паузу. – Оплачиваемый выходной.

– Мне это нравится, – кудахчет Хелен.

– Джошуа запланировал еще что-то, – предупреждаю я, и она кивает.

Хелен вступает на арену Колизея ровно в четыре. Как обычно, я слышу крики боссов.

В пять Хелен покидает кабинет мистера Бексли. Она подходит к моему столу в состоянии крайнего раздражения и бросает через плечо:

– Джошуа. – Голос ее окрашен неприязнью.

– Миссис Паскаль, как вы? – Над его головой сияет нимб.

Она не обращает на него внимания:

– Дорогая, мне очень жаль. Жребий выпал не мне. Мы выбрали идею Джоша по тимбилдингу. Как называется эта штука? Пейнтбол?

Господи Иисусе, нет!

– Но этого не было в рекомендациях. Кому и знать, как не мне. Я ведь сама их составляла.

Джошуа едва сдерживает улыбку. Она слабо мерцает на его лице, как голограмма. Вибрирует внутри и волнами распространяется во все стороны.

– Я взял на себя смелость предложить мистеру Бексли альтернативу. Игру в пейнтбол. Это занятие уже доказало свою эффективность в качестве инструмента для сплочения коллектива. Свежий воздух, физическая нагрузка...

– Травмы и страховочные выплаты, – возражает Хелен. – Стоимость.

– Люди с радостью выложат по двадцать долларов из своего кармана за возможность подстрелить коллегу шариком с краской, – убеждает ее Джошуа, поглядывая на меня. – Это не будет стоить компании ни цента. Они все подпишут отказ от претензий в случае травмы. Мы разделимся на команды.

– Дорогой, как это поможет сплочению коллектива, если мы разделим сотрудников и вооружим их пистолетами с краской?

Пока они спорят фальшиво вежливыми голосами, я закипаю. Он похитил мою корпоративную инициативу и свел ее к ребяческому, элементарному уровню. На такое способен только бексливец.

– Возможно, мы увидим примеры неожиданных союзов, – отвечает Джошуа.

– В таком случае я хочу увидеть в паре вас двоих, – лукаво говорит Хелен, и я готова ее обнять. Он не сможет подстрелить своего товарища по команде.

– Я и говорю, неожиданные союзы. Но не будем излишне волновать Люсинду перед ее горячим свиданием.

– О, это правда, Люси? – Хелен постукивает пальцами по моему столу. – Свидание. Буду ждать подробного отчета утром, дорогая. И можешь прийти попозже, если хочешь. Ты слишком много работаешь. Развейся немного.

Глава 6

В половине седьмого у меня начинается зуд в коленках.

– Ты не опоздаешь?

– Не твое дело.

Черт побери, уберется когда-нибудь этот Джошуа?! Он провел на работе уже одиннадцать часов и все равно выглядит свежим, как ромашка. Мне уже хочется повалиться на диван вниз лицом.

– Ты разве не говорила, что в семь? Как ты доберешься?

– На такси.

– Я тоже еду туда. И подвезу тебя. Я настаиваю.

Во время этого короткого разговора на лице Джошуа написано, что он от души забавляется. Он ждет меня, чтобы поймать на лжи. Приятно чувствовать, что у меня есть такой туз в рукаве, как Дэнни.

– Отлично! Давай! – Моя ярость по поводу похищения идей для тимбилдинга перегорела, остался лишь пепел. Все постепенно, спиральным вихрем выходит из-под контроля.

Я отправляюсь в дамскую комнату с косметичкой в руке. Мои шаги эхом разносятся по пустому коридору. У меня уже давно не было свиданий. Я слишком занята. Работа, ненависть к Джошуа Темплману и сон занимают все мое время, ни на что другое его не остается.

Джошуа не может поверить, что кто-нибудь добровольно согласится провести время в моем обществе. Для него я всего лишь несносная маленькая мегера. Осторожно рисую кошачьи стрелки. Стираю помаду, пока не остается только слабый налет. Брызгаю духами под лифчик, подмигиваю самой себе и произношу несколько подбадривающих фраз.

В кармашке косметички у меня лежит пара длинных серег. Достаяю их и вдеваю в уши. Из офиса на вечеринку, как в статьях из глянцевого журнала. Поправляя бюстгальтер, я выхожу из туалета и наталкиваюсь на Джошуа. У него в руках мои пальто и сумочка. От соприкосновения с его телом меня пробирает дрожь.

Джошуа как-то странно смотрит на меня:

– Зачем ты все это затеяла?

– Ой, спасибо. – Я протягиваю руку, и он вешает на нее мою сумочку. Продолжая держать мое пальто, нажимает на кнопку лифта. – Значит, я увижу твою машину.

Я стараюсь разбавить болтовней тишину. Мысль о том, что мы окажемся одни в тесном пространстве, гораздо больше задевает нервы, чем встреча с Дэнни. Мы с мистером Темплманом хотя бы сидели раньше рядом друг с другом? Сомневаюсь.

– Я давно пыталась ее себе представить. Думала, это «фольксваген-жук». Белый, с пятнами ржавчины, как старичок «херби» из диснеевских мультфильмов.

– Еще версии? – Джош лениво обнимает мое пальто. Его пальцы теребят обшлаг рукава.

На фоне его тела мое пальто выглядит детским пиджачком. Мне становится жалко это бедное пальтишко. Я протягиваю к нему руку, но Джошуа игнорирует мой жест.

– «Мини-купер» начала тысяча девятьсот восьмидесятых. Зеленый, как Кермит⁴, сиденье не отодвигается назад, так что колени находятся с обеих сторон от руля.

– У тебя довольно живое воображение. Ты едешь на «хонде-аккорд» две тысячи третьего года. Серебристой. Внутри кавардак. Хронические проблемы с коробкой передач. Если бы это была лошадь, ты бы ее пристрелила.

Двери лифта открываются, и я осторожно ступаю внутрь.

⁴ Лягушка, один из персонажей детской телепередачи «Маппет-шоу».

– Ты лучший разоблачитель, чем я. – Я чувствую холодок страха, видя, как большим пальцем Джошуа нажимает на кнопку подземного этажа.

Джошуа смотрит на меня сверху вниз, глаза его темны, взгляд напряженный. Он явно что-то замышляет.

Может, он меня пристукнет там, внизу. Дни мои закончатся в мусорном контейнере. Следователи увидят мои сетчатые колготки, обильный макияж и придут к заключению, что я шлюха. Они пойдут по ложному следу и проверят все неправильные версии. Тем временем Джошуа преспокойно вытравит следы моей ДНК со своих ботинок и приготовит себе сэндвич.

– Глаза серийного убийцы. – Лучше бы мои слова не звучали так испуганно. Джошуа смотрит поверх моего плеча на свое отражение в стенке лифта:

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. У тебя самой взгляд возбужденный. – Палец Джошуа висит и драматически описывает спираль над панелью с кнопками.

– Нет, это у меня взгляд серийного убийцы.

Джошуа делает глубокий вдох и нажимает кнопку аварийной остановки. Лифт вздрагивает и замирает.

– Пожалуйста, не убивай меня. Тут, наверное, есть камера. – Я делаю шаг назад, готовясь обороняться.

– Сомневаюсь.

Он нависает надо мной. Воздевает вверх руки, а я начинаю поднимать свои, чтобы защитить лицо, как будто играю в самом отстойном фильме ужасов, какие люди смотрят в открытых кинотеатрах, не вылезая из своих тачек. Вот оно. Этот парень хочет придушить меня. Он спятил.

Джошуа сгребает меня в охапку, приподнимает и подсаживает на поручень, который я раньше не замечала. Мои руки падают ему на плечи, а платье задирается до самого верха бедер. Когда он опускает взгляд, в его дыхании появляется хрип, словно я вправду его душу.

– Поставь меня вниз. Это не смешно.

Мои ступни бестолково рисуют в воздухе спиральки. Это не первый раз, когда большой ребенок наваливается на меня всем своим весом. Однажды в третьем классе Маркус Дюшей закинул меня на капот машины директора школы и со смехом убежал. Это проклятие маленьких людей. Нам трудно сохранять достоинство в этом мире гигантов.

– Побудь здесь со мной секундочку.

– Да для чего? – Я пытаюсь соскользнуть с поручня, но Джошуа крепко держит меня руками за талию и прижимает к стенке лифта. Я вцепляюсь руками в его плечи и прихожу к компетентному мнению, что у этого парня крепкие мышцы, спрятанные под рубашками в духе Кларка Кента.

– Черт возьми! – Его ключица под моими ладонями похожа на лом. Я говорю единственное, что приходит в голову, но это идиотизм: – Мышцы. Кости.

– Спасибо.

Мы оба тяжело дышим. Для равновесия упираюсь в Джошуа ногой, и его ладонь обхватывает мою икру.

Когда он кладет руку мне на шею и отклоняет назад мою голову, я жду: вот сейчас он начнет душить. В любой момент его теплая длань сожмется, и я начну умирать. Нос к носу. Дышим в лицо друг другу. Один из его пальцев – у меня за мочкой уха, и я вздрагиваю от поглаживания.

– Печенька... – (Нежное слово растворяется в воздухе, и я сглатываю.) – Я не собираюсь убивать тебя. Ты так все драматизируешь.

Потом он мягко прикасается губами к моим губам.

Ни один из нас не закрывает глаз. Мы смотрим друг на друга, как обычно, только с более близкого расстояния. Его радужки обведены темно-синим кружком. Ресницы опускаются, и он глядит на меня с выражением как будто возмущенным.

Слегка прикусывает зубами мою нижнюю губу, по телу ползут мурашки. Соски набухают. Пальцы ног в туфлях поджимаются. Нечаянно я касаюсь его языком, проверяя, нет ли повреждений, хотя губе не больно. Укус был слишком нежный, слишком осторожный. Мой мозг безнадежно силится найти объяснение происходящему, а тело начинает цепляться за Джошуа и устраиваться поудобнее.

Когда он снова склоняется ко мне и начинает водить по моим губам своими, будто уговаривая приоткрыть их, до меня наконец доходит.

Джошуа. Темплман. Целует. Меня.

На несколько секунд я замираю. Кажется, я забыла, как целоваться. Прошло так много времени с той поры, когда это было для меня ежедневным занятием. Судя по всему, Джошуа не удивлен, он объясняет правила губами.

Игра в поцелуи происходит вот так, Печенька. Надави, расслабься, отклонись, вдохни, повтори. Используй руки, чтобы подправить угол. Разминайся, пока не добьешься медленного влажного скольжения. Слышишь, как стучит кровь в ушах? Выживай на маленьких глотках воздуха. Не останавливайся. Даже не думай об этом. Прерывисто вдохни, отстранись, пусть твой партнер ловит тебя губами или зубами, расслабь спину и приготовься к чему-то более глубокому. Более влажному. Почувствуй, как твои нервные окончания с электрическим треском оживают от каждого прикосновения языка. Почувствуй тяжесть между ног.

Цель игры – заниматься этим до конца жизни. Наплюй на человеческую цивилизацию и все ее ограничения. Лифт сейчас – дом. Вот чем мы тут занимаемся.

Только не останавливайся.

Он испытывает меня и чуть-чуть отстраняется. Главнейшее правило нарушено. Притягиваю его рот к своему, сжав руки в кулаки у него на загривке. Я учусь быстро, а он прекрасный учитель.

На вкус Джошуа как мятные драже, которыми он вечно хрустит. Кто жует мяту? Я однажды попробовала и чуть не прожгла язык. Он делает это мне назло, в глазах его мелькает искра веселья, когда я раздраженно фыркаю. В отместку я кусаю его, и он – нет чтобы отпрянуть, льнет ко мне, тело напряжено, и от него ко мне течет тепло через все точки соприкосновения. Наши зубы клацают друг о друга.

Какого черта, что происходит? – беззвучно спрашиваю я поцелуем.

Молчи, Печенька. Я тебя ненавижу.

Если бы мы были киноактеры, то бились бы о стенки лифта, пуговицы разлетались бы по сторонам, сеточка моих колготок оказалась бы порванной в клочья, а туфли свалились бы с ног. Но наш поцелуй декадентский. Мы прислонились к залитой солнцем стене, сонно вылизываем из рожков мороженое и быстро падаем жертвами теплового удара и абсурдных галлюцинаций.

Давай придвигайся ближе, оно тает. Лизни мое, а я лизну твое.

Сила тяжести хватает меня за лодыжку и начинает стаскивать с поручня. Джошуа приподнимает меня, подсунув руку под мои бедра. Наши рты ненадолго расцепились, и я недовольно рычу. *Скорее возвращайся, нарушитель правил.* Он достаточно умен, чтобы слушаться. В ответ слышится что-то вроде «у-гу». Такой довольный звук вырывается у людей в тот момент, когда они неожиданно обнаруживают что-то приятное, будто говоря самим себе «иначе и быть не могло». Губы Джошуа изгибаются, и я прикасаюсь к его лицу. Впервые он улыбается в моем присутствии, и эта его улыбка прижата к моим губам. Я в восторге откидываю голову назад, и в одну миллисекунду лицо Джошуа снова становится по умолчанию мрачным и серьезным, хотя и пылает краской.

Из переговорного устройства лифта раздается резкое шипение, и мы оба вздрагиваем, когда тоненький голос, кхекнув, произносит:

– У вас там все в порядке?

Мы замираем, как в сценке «Пойманные с полочным». Джошуа реагирует первым, наклоняется и нажимает клавишу голосовой связи:

– Задели кнопку. – Он медленно ставит меня на пол и отходит на несколько шагов назад. Я опираюсь на поручень локтем, ноги у меня разъезжаются, как на роликах.

– Что это было? – сипло выдыхаю я.

– Подземный этаж, пожалуйста.

– Ладно.

Лифт спускается вниз фута на три, и двери открываются. Если бы он подождал еще полсекунды, этого бы никогда не случилось. Мое пальто комом валяется на полу, Джош поднимает его и отряхивает на удивление заботливо.

– Пошли.

Он выходит не оглядываясь. Серьги зацепились за волосы, спутанные его руками. Ищу выход. Его нет. Двери лифта задвигаются у меня за спиной. Джошуа открывает навороченный черный спортивный автомобиль, и, когда я оказываюсь у дверцы со стороны пассажирского сиденья, мы смотрим друг на друга. Глаза у меня как яичница-глазунья. Джошуа приходится отвернуться, чтобы я не увидела, как он смеется. Я замечаю отражение его белых зубов в боковом зеркале стоящего рядом микроавтобуса.

– О нет же, – протягивает Джошуа, поворачиваясь обратно, и проводит рукой по лицу, стирая с него улыбку. – Я травмировал тебя.

– Что... что...

– Поедем.

Мне хочется умчаться прочь, но ноги не поддерживают эту идею.

– Не думай об этом, – говорит Джошуа.

Я залезаю в машину и почти теряю сознание. Запах хозяина здесь очень интенсивен, прожарен солнцем, заморожен снегом, запечатан и спрессован внутри салона из стекла и металла. Я принимаюсь, как профессиональный парфюмер. Верхние ноты – мята, горький кофе и хлопок. Средние – черный перец и сосна. Базовые – кожа и кедр. Кашемировая роскошь. Если так пахнет его машина, вообразите, какой аромат у него в постели. Отличная идея! Представь-ка его кровать.

Джошуа залезает в машину, бросает мое пальто на заднее сиденье, я кошусь на его колени. Вот черт! Отвожу взгляд. Что бы у него там ни было, это впечатляет, так что глаза мои помимо воли скользят обратно.

– Ты обмерла от шока, – говорит он с укором, как школьный учитель.

Я прерывисто дышу, он поворачивается ко мне, глаза ядовито-черные. Поднимает руку, и я вжимаюсь в сиденье. Он хмурится, замирает, потом аккуратно поправляет ближайшую к нему сережку в моем ухе.

– Я думала, ты собираешься убить меня.

– Мне все еще хочется это сделать. – Он дотягивается до второй сережки, внутренняя сторона его запястья достаточно близко, легко можно вцепиться зубами. Джошуа аккуратно распутывает прядь волос, зацепившуюся за сережку, пока не приводит все в порядок. – Так хочется. Ты даже не представляешь.

Он заводит машину, сдает назад и вырывается из гаража, как будто ничего не случилось.

– Нам нужно об этом поговорить. – Голос у меня грубый и как будто грязный.

Пальцы Джошуа обхватывают руль.

– Кажется, момент подходящий.

– Но ты целовал меня. Зачем ты это сделал?

– Мне нужно было проверить теорию, которая созрела у меня некоторое время назад. И ты на самом деле целовала меня в ответ.

Я корчусь на сиденье, впереди загорается красный. Джошуа останавливает машину и окидывает взглядом мои губы и бедра.

– У тебя созрела теория? Больше похоже, что ты пытался смутить меня перед свиданием. – Машины позади сигналият, и я оглядываюсь через плечо. – Трогай.

– А-а, верно, твое свидание. Твое воображаемое фальшивое свидание.

– Оно не воображаемое. Я встречаюсь с Дэнни Флетчером из отдела дизайна.

Выражение шока от удивления на лице Джошуа восхитительно. Я бы хотела, чтобы какой-нибудь живописец запечатлел этот момент в масле и я могла завещать портрет будущим поколениям. Он был бы просто бесценен.

Машины начинают объезжать нас с обеих сторон, гудки блеют и воют. Черда обычных на дороге ругательств выводит Джошуа из ступора.

– Что? – Он наконец замечает зеленый свет и резко дает по газам, потом притормаживает, чтобы не врезаться в машину, которая едет перед нами и сворачивает на боковую дорогу. Джошуа вытирает рот одной рукой. Я никогда еще не видела его таким взволнованным.

– Дэнни Флетчер. Я встречаюсь с ним через десять минут. Вот куда ты меня везешь. Что с тобой?

Несколько кварталов мы проезжаем в молчании. Я упрямо смотрю на свои руки, а думать способна только о его языке у меня во рту. У меня *во рту*. Прикидываю, что в истории человечества, наверное, было не меньше десяти миллиардов поцелуев в лифтах. Ненавижу, что мы действовали по тому же клише.

– Ты думал, я лгала? – Ну что ж, технически я врала, но только поначалу.

– Я всегда считаю, что ты врешь. – Джошуа сердито ворочает рулем и перестраивается на другую полосу. Над ним собирается зловещая грозовая туча гнева.

Ненавидеть кого-нибудь утомительно. Это факт. Каждый удар пульса в венах приближает меня к смерти. Я трачу эти скоротечные мгновения жизни с человеком, который искренне презирает меня.

Прикрываю веки, чтобы снова вспомнить. *Я вся на нервах, взгромождаю коробку на свой стол в только что отремонтированном здании «Б и Г», на десятом этаже. У окна стоит мужчина, он смотрит на вереницы машин. Раннее утро. Он поворачивается, и мы первый раз встречаемся взглядами.*

Никогда больше у меня не будет такого поцелуя, как этот, во всю оставшуюся жизнь.

– Мне хотелось бы, чтобы мы могли стать друзьями, – вдруг произношу я громко.

Я так долго держала эти слова в себе, что создается впечатление, будто я метнула гранату. Джош совсем притих, может, он вообще меня не слышал. Но потом он бросает на меня взгляд, полный такого высокомерия, что я чувствую, как внутри у меня болезненно сжимаются все внутренности.

– Мы никогда не будем друзьями. – Он произносит «друзьями», как будто говорит о чем-то презренно-жалком и ничтожном.

Когда Джошуа притормаживает перед входом в бар, я выскакиваю наружу и убегаю, пока машина еще не успела полностью остановиться. Слышу раздраженный оклик. Отмечаю, что он называет меня Люси.

Вижу у стойки бара Дэнни. Между пальцами у него болтается бутылка пива. Провинчиваюсь сквозь толпу и падаю в его объятия. Бедняга Дэнни! Как настоящий джентльмен, он явился заранее, даже не подозревая, с какой сумасшедшей женщиной согласился провести вечер.

– Привет! – Дэнни рад. – Ты это сделала.

– Конечно! – Я выдавливаю из себя робкий смешок. – Мне нужно выпить после такого дня.

Как жокей, оседлываю барный стул. Дэнни делает знак бармену. На большом экране, который висит на стене над баром, машут одинаковые бейсбольные биты. Ощущение губ Джошуа на моих губах не проходит, и я прикасаюсь к ним кончиками пальцев.

– Большой джин с тоником. Самый большой, пожалуйста.

Бармен послушно выполняет заказ. Я выпиваю залпом половину стакана и даже немного проливаю – течет по подбородку. Облизываю уголки рта, продолжая ощущать вкус Джошуа. Дэнни ловит мой взгляд, когда я опускаю стакан.

– Все в порядке? Думаю, тебе стоит рассказать мне, как прошел день.

Я всматриваюсь в него. Дэнни переоделся в темные джинсы и симпатичную клетчатую рубашку с пуговицами. Мне приятно, что он потрудился сходить домой и сменить костюм ради меня.

– Ты хорошо выглядишь, – честно говорю ему я, и в его глазах вспыхивают искорки.

– А ты выглядишь великолепно, – доверительным тоном сообщает Дэнни.

Он опирается локтем на барную стойку, лицо у него открытое и совершенно беззлобное, в нем нет ничего зловещего или устрашающего. В груди у меня пузырятся какие-то странные эмоции.

– Что? – Я вытираю подбородок.

Этот мужчина смотрит на меня без ненависти. Необычно.

– Я не мог сказать тебе этого на работе. Но я всегда считал тебя самой красивой девушкой.

– О, ну... – Вероятно, я краснею до ушей и точно чувствую, как перехватило горло.

– Ты не привыкла к комплиментам.

– Я нечасто их получаю.

Это истинная правда. Дэнни смеется:

– Ну конечно!

– Серьезно. Разве что от мамы с папой по скайпу.

– Ну что ж, придется мне изменить эту ситуацию. Расскажи о себе.

– Я работаю на Хелен, как ты знаешь, – неуверенно начинаю я.

Он кивает, губы его вздрагивают.

– Что еще сказать.

Дэнни улыбается, и я едва не опрокидываюсь назад со своего стула. Я так замкнута, что почти не способна разговаривать с нормальными людьми. Лучше бы мне сейчас лежать дома на диване, завалив голову подушками.

– Да, но мне интересно узнать о тебе. Как ты развлекаешься? Откуда твоя семья?

Лицо у него такое бесхитростное. Он напоминает ребенка, не испорченного этим миром.

– Я, пожалуй, сначала схожу освежусь. А то пришла прямо с работы.

Я заглатываю остаток джина. Вкус отбивает непреходящая мята на моем языке.

Дэнни кивает, и я, как пчела, кратчайшим путем лечу в уборную. Прислоняюсь к стене, не заходя внутрь, достаю салфетку, заткнутую спереди под лифчик, и прижимаю ее к уголкам глаз. *Выглядишь великолепно.*

Коридор затмевает чья-то тень. Я знаю, что это Джошуа. Даже самым краем глаза я скорее опознаю его фигуру, чем собственную тень. В руках у него пальто, которое я оставила на заднем сиденье в его машине.

Меня вдруг разбирает смех, и я хохочу, пока из глаз не начинают литься слезы, безжалостно размывая макияж.

– Убирайся, – говорю я ему, но он вместо этого подходит ближе. Берет меня за подбородок и вглядывается в мое лицо.

Память о поцелуе облачком парит между нами, и я не могу взглянуть ему в глаза. Помню свой стон, глухо отозвавшийся у него во рту. Какое унижение!

– Не надо. – Я отмахиваюсь от него.

– Ты плачешь.

Обхватываю себя за плечи.

– Нет, я не плачу. Зачем ты здесь?

– Парковка в этом районе – ночной кошмар. Твое пальто.

– Ах, мое пальто. Ну конечно. Что же еще! Я сегодня слишком устала, чтобы биться с тобой. Ты победил. – Он смотрит на меня с недоумением, поэтому я поясняю: – Ты видел меня смеющейся и плачущей. Ты вынудил меня поцеловать тебя, когда мне следовало бы треснуть по твоей наглой физиономии. У тебя выдался хороший день. Иди смотри игру и лопай крендельки.

– Ты думаешь, я борюсь за такие награды? Увидеть тебя плачущей? – Он качает головой. – Это совсем не так.

– Конечно так. А теперь иди, – говорю я более настойчиво.

Он пятится и прислоняется к противоположной стене:

– Почему ты прячешься здесь? Разве не лучше тебе быть там и очаровывать своего поклонника по самое дальше некуда? – Джошуа смотрит в сторону бара и трет руками лицо.

– Мне нужно было собраться. Это не так-то просто, поверь.

– Уверен, у тебя не будет проблем.

В его голосе нет сарказма. Я вытираю слезы и смотрю на салфетку. На ней осталась тушь. Глубоко, прерывисто вздыхаю.

– Ты выглядишь отлично. – Более приятных слов я от него ни разу не слышала.

Начинаю ощупывать рукой стену в поисках портала в другое измерение или по крайней мере двери в дамскую комнату. Все, что угодно, лишь бы скрыться от него. Он зарывается рукой в волосы, лицо искажено от смятения.

– Ладно, я не должен был целовать тебя. Это было чертовски глупо с моей стороны. Если хочешь сообщить кадровикам...

– Тебя это волнует? Не настрочу ли я жалобу в отдел кадров? – Я повышаю голос, так что хозяева бара оборачиваются в нашу сторону. Глубоко вдыхаю и начинаю говорить гораздо тише: – Ты совершенно растоптал меня, я даже не могу справиться с собой, когда мужчина говорит мне, что я прекрасна. – (По лицу Джошуа распространяется уныние.) – Вот почему я плачу. Потому что Дэнни сказал мне, что я прекрасная девушка, а я чуть не упала со стула. Ты разрушил меня.

– Я... – начинает фразу Джошуа, но не может продолжить. – Люси, я...

– Больше ты со мной ничего не можешь сделать. Сегодня ты выиграл.

У него такое лицо, будто я ударила его. Тень Джошуа удаляется по коридору, и вот его нет.

Глава 7

Утром звоню Хелен и говорю, что похмелья у меня нет, но есть личные проблемы и я немного задержусь. Она проявляет понимание и советует мне отдохнуть и взять отгул.

– Отдохни и доделай свою заявку, потому что, дорогая, завтра она должна быть готова.

Я скуучаю по сегодняшней бледно-желтой рубашке. Это цвет стен детской, когда пол еще не рожденного ребенка – сюрприз для родителей. Это цвет моей трусливой души.

Вчера вечером, после того как Джошуа ускользнул от меня с лицом, омраченным чувством вины и сожалением, я привела себя в порядок и вернулась к Дэнни спасать вечер. У нас с ним есть кое-что общее. Его родители завели ферму для развлечения, так что рассказ о том, как я росла среди грядок с клубникой не вызвал обычной порции веселого, покровительственного пренебрежения.

Такой оборот придал мне смелости, и я задержалась на этой теме дольше обычного. Мы обменялись историями о жизни на ферме. Я наблюдала за лицом Дэнни, выражения сменялись на нем, проплывая легкими облачками. Мы просидели в баре несколько часов, смеялись, будто старые приятели, которым уютно вместе, как паре домашних тапочек.

Я должна быть счастливой и испытывать восторг. Мне нужно вылизывать свою заявку на работу. Надо подумать о следующем свидании. Но заканчиваю я вечер тем, чего делать не следовало: лежу в кровати с закрытыми глазами и проигрываю в голове поцелуй.

Печенька, если бы мы флиртовали, ты бы знала об этом.

Может, он забыл, что я Люсинда Хаттон, радующая людей Клубничная Печенька, и я для него трансформировалась во что-то другое? Замкнутое пространство, непривычный макияж, короткое платье и свежий парфюм. В мгновение безумия, которое длилось на протяжении спуска с десятого этажа в подземный, я превратилась для него в объект вождления. И он определенно принадлежал мне.

Мне нужно было проверить теорию, которая созрела у меня некоторое время назад. Какая теория? Какое-то время назад – это сколько? Если я была объектом некоего эксперимента на людях, он мог бы соблюсти приличия и познакомить меня со своими заключениями.

Стоит мне вспомнить о том, как он тихонько прикусил мою нижнюю губу, и между ног у меня начинается какое-то трепетание. Когда я думаю о его руке на своих бедрах, тянет положить ладонь на то место, в которое впечатались растопыренные пальцы Джоша, и ощупать его. А крепость тела? На несколько секунд я перестаю дышать. Интересно, какой я показалась ему на вкус. А на ощупь?

Я шатаюсь по дому в пижаме, уже три часа дня, истекает срок для подачи заявки, и это меня парализует. Вдруг меня пугает звонок в дверь. Первая мысль: это Джошуа пришел утешить меня на работу. Вместо этого за дверью обнаруживается человек из службы доставки цветов. Огромный букет розовых, как губная помада, роз. Вскрываю маленький конвертик, на карточке три слова: «Ты всегда прекрасна».

Подписи нет, но она не нужна. Без труда представляю себе, как теплеет лицо Джанет, когда она передает Дэнни бумажку с моим адресом и бормочет: «Я тебе его не давала». Даже кадровички нарушают правила ради любви.

Пишу ему сообщение:

Спасибо тебе большое!

Он отвечает почти мгновенно:

Я прекрасно провел время. Хотел бы увидеться с тобой еще раз.

Отвечаю:

Непреренно.

Я стою, оперев руки в бедра, и смотрю на цветы. Лучшего времени для подпитки эго не придумаешь. Поворачиваюсь к компьютеру. Эта работа будет моей. А Джошуа уйдет.

– Пора покончить с этим.

Входя в кабинет в пятницу, вижу краем глаза огромное горчичное пятно. Вешаю пальто и сразу отправляюсь в кабинет Хелен. Хоть раз она пришла рано. Я готова обхватить ее руками и крепко сжать в объятиях.

– Я здесь, – говорю я, и она делает мне знак, мол, входи, и я закрываю за собой дверь.

– Подала? – (Я киваю.) – Джошуа тоже. И еще два внешних соискателя. Как прошло свидание? Ты в порядке?

Хелен всегда образец хладнокровия. Сегодня на ней блейзер поверх футболки из чистого шелка, убранный внутрь юбки. Хелен не носит ничего такого простого, как хлопок. Надеюсь, после смерти она завещает мне свой гардероб.

Я опускаюсь на стул:

– Все прошло хорошо. Я была с Дэнни Флетчером из отдела дизайна. Надеюсь, с этим сложностей не предвидится. Он уходит от нас на следующей неделе, будет фрилансить.

– Жаль. Он хорошо работает. Не вижу проблем в том, что вы встречаетесь.

В голове всплывает поцелуй с Джошуа в лифте. Вот это действительно проблема.

– Но что-то случилось, – догадывается Хелен.

– Мы с Джошуа крупно поссорились перед свиданием, и это меня смущает. Проснулась сама не своя. Как будто, если войду сюда, нас обоих, утопающих в крови, увезут на каталках санитары.

Хелен задумчиво меня рассматривает:

– Из-за чего вы поссорились?

Может, это не лучшая идея – обсуждать мои личные проблемы с Хелен. Я совершенно непрофессиональна. Щеки у меня начинают пылать, а когда я не могу придумать, что соврать, то выдаю информацию в урезанном виде:

– Он думал, что я вру про свидание. Такая я неудачница.

– Интересно, – медленно произносит Хелен. – Ты подумала об этом хорошенько?

Я пожимаю плечами. Да уж, я так подумала, что почти довела себя до бессонницы.

– Меня расстраивает, что я позволяю ему давить на мои больные точки. Вы даже не представляете, как это тяжело – сидеть напротив него и постоянно выдерживать атаки.

– Кое-какое представление об этом я имею. Это называется балансированием на грани войны, дорогая. – Она тычет большим пальцем в стену.

Хелен именно тот человек, которому можно довериться. За стеной у нее – мистер Бексли, строит замыслы уничтожения противницы. Она смотрит туда же, куда и я. Мы слышим слабый звук сморкания, фырканье и какое-то ворчание.

– С чего он решил, что ты лжешь? И почему это тебя так расстраивает? – Хелен рисует завитушки в своем блокноте, чем слегка гипнотизирует меня. Сейчас она выступает в роли психотерапевта.

– Он думает, что я предмет для шуток. Всегда смеется над занятиями моих родителей. Уверена, он потешается и над школой, где я училась. Над моей одеждой. Ростом. Лицом. – Хелен терпеливо кивает, следя за тем, как я пытаюсь облечь в слова свои путанные мысли. – Мне неприятно, что он так обо мне думает. Это сбивает меня. Я просто хочу, чтобы он меня уважал.

– Ты заслужила репутацию располагающего к себе, отзывчивого человека, – поддерживает меня Хелен. – Ты всем нравишься. Он единственный, кто упирается.

– Он существует ради того, чтобы сжить меня со свету. – Может быть, я немного драматизирую.

– А ты – его, – замечает Хелен.

– Да. И мне не хочется быть такой.

– Не общайся с ним сегодня. Ты можешь на несколько дней занять пустой кабинет на третьем этаже. Мы переведем звонки туда.

Я качаю головой:

– Соблазнительно, но нет. Я с этим справлюсь. Займусь составлением квартального отчета и буду сдерживаться.

Я все еще помню вкус его губ. Я втягивала в себя его горячее дыхание, пока мои легкие не наполнились им. Его воздух был в моем теле. За пару минут он научил меня тому, чего я не узнала за всю свою жизнь. Забыть, что он существует, будет для меня испытанием, но вся эта работа – сплошные испытания.

Тихо прикрываю дверь кабинета Хелен и собираюсь с духом. Поворачиваюсь. Вот и он, сгорбился над своим столом.

– Привет, – получаю я робкое приветствие.

– Здравствуй, – отвечаю я сухо и цокаю шпильками к своему столу.

Его следующая фраза меня изумляет.

– Прости меня. Я очень, очень виноват, Люси.

Я ему верю. Воспоминание о смятении, написанном на лице Джошуа, когда он отшатнулся от меня в баре, две ночи почти не давало мне уснуть. Теперь настал момент восстановить статус-кво. Я могла бы наорать на него, он бы облаял меня в ответ. Но я не хочу быть такой.

– Я верю твоим словам.

Мы оба готовы заулыбаться и смотрим на губы друг друга. Призрак поцелуя брезжит между нами.

Джошуа сегодня не так безупречен, как обычно. Слегка помят – вероятно, плохо спал пару ночей. Галстук повязан небрежно, на щеках тень легкой поросли. Волосы не причесаны, с одного бока рогом торчит непослушный вихор. Он сегодня практически гаминовец. Выглядит божественно и смотрит на меня с воспоминанием в глазах.

Мне хочется бежать, пока ноги не подкосятся. Смести все рукой с его стола. Я чувствую прикосновение одежды к коже. Вот какие ощущения вызывает у меня взгляд Джошуа.

– Давай сложим оружие, а? – Он поднимает руки, чтобы показать: они пусты. Кисти у него большие – легко обхватят мои лодыжки. Я сглатываю.

Дабы скрыть неловкость, я изображаю, что вынимаю из кармана пистолет и отбрасываю его в сторону. Джош забирается в воображаемую заплечную кобуру, достает из нее оружие и кладет на свой ежедневник. Я извлекаю из невидимых ножен на бедре кинжал.

– Все. – Я указываю под стол. Джошуа опускает руку к лодыжке и притворяется, будто вытаскивает из ножной кобуры револьвер. – Так-то лучше. – Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза.

– Ты очень странная, Печенька. – Голос у него не злой. Я с натугой разлепляю веки, и игра в гляделки едва не убивает меня. Глаза у Джоша синие, как грудь павлина. Все меняется. – Ты собираешься жаловаться на меня кадровикам?

У меня в груди что-то болезненно схлопывается. Так вот почему он так дерьмово выглядит. Вчера у него был адский денек – предвкушал, как его выведут из здания под белы ручки при моем появлении. Вид моего пустующего стола, должно быть, внушал ему ужас. Он сидел и представлял, как его швырнут в камеру за то, что обижал хрупкую женщину. Теперь все ясно. Ну и глупа же я.

– Нет. Но давай больше никогда не будем упоминать об... этом? – Слова звучат с легкой хрипотцой. Я спускаю Джоша с крючка, вместо того чтобы изводить пугающей перспективой.

Еще один шаг к тому, чтобы быть человеком, который мне нравится. Тем не менее Джошуа хмурится, как будто он глубоко оскорблен.

– Ты этого хочешь?

Киваю, но какая же я маленькая лгунья. *Все, чего я хочу, – это целовать тебя, пока не засну. Я хочу забраться к тебе под одеяло и узнать, что творится в твоей голове и у тебя под одеждой. Пусть даже при этом я буду выглядеть полной дурой.*

Дверь в кабинет мистера Бексли открыта, а потому я говорю как можно тише:

– Это сводит меня с ума.

Джошуа понимает, что я не выдумываю. В глазах у меня застыло отчаяние. Он кивает, как будто нажимает на клавиши «Выделить все» и «Удалить». Поцелуя не было.

Молю: пусть что-нибудь случится и эта сцена завершится. Противопожарные учения. Или звонок от Джули, которая скажет, что больше никогда не сможет выполнить задание к сроку. Не я одна молюсь об обрушении перекрытий.

– Как прошло... свидание? – Голос у Джошуа тихий, костяшки пальцев побелели. Быть обходительным со мной – это стоит ему немалых усилий.

– Хорошо. У нас много общего.

Я безуспешно пытаюсь вывести компьютер из спячки.

– Вы оба невероятно маленькие. – Джошуа хмурится, глядя на свой монитор, будто ему никогда не доводилось участвовать в более неприятной беседе. Проявлять дружелюбие ко мне без натуги пока не получается.

– Он даже не стал подшучивать надо мной из-за клубники. Дэнни... он... милый. Он мне подходит. – Больше я ничего не могу придумать.

– Значит, милый – это то, чего тебе хочется?

– Этого все хотят. Родители годами упрашивают меня найти себе какого-нибудь милого парня. – Я стараюсь говорить без напряжения, но внутри затеплился огонек надежды. Мы разговариваем как друзья.

– А мистер Милый Парень отвез тебя домой?

Я понимаю, о чем он спрашивает.

– Нет. Я вызвала такси. Сама.

Джошуа тяжело вздыхает. В изнеможении трет руками лицо, потом смотрит на меня сквозь пальцы:

– Во что нам теперь играть?

– Как насчет игры в нормальных коллег? Или можем поиграть в дружбу. Я умирала от желания попробовать обе игры. – Поднимаю взгляд и перестаю дышать.

Джошуа сидит прямо и сердито смотрит на меня:

– Обе будут пустой тратой времени, ты так не считаешь?

– Что ж, жаль. – Если бы я сказала это с сарказмом, он бы не понял серьезности моих слов.

Джошуа открывает ежедневник, в руке карандаш, делает пометку за пометкой. Я только успеваю моргать, а потом отворачиваюсь к своему компьютеру. Сил больше нет переживать из-за его проклятого ежедневника. Карандаш Джошуа, мои шпионские эксперименты. Всему конец, прямо сейчас. Все это было пустой тратой времени.

Уверяю себя, что надо радоваться.

Сегодня восхитительный день черной футболки. Напишу об этом в дневнике. Поведаю своим внукам. Отрываю от нее взгляд, но через мгновение глаза сами собой тянутся обратно. Под этой футболкой – тело, от которого затуманятся очки пожилой библиотечарши. Думаю, нижнее белье скатывается с меня, завиваясь, как горящая бумага.

После поцелуя, о котором я больше не вспоминаю, миновала неделя. Алфавитную ветвь «Бексли и Гамин» согнали к автобусу, как стадо скота.

– Расписки, – снова и снова повторяет Джошуа, и люди суют ему в руки листки. – Расписки мне. Деньги – Люсинде. Эй, тут нет подписи. Подпиши. Расписки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.